

**Ш а м а н с к и е
П Л Я С К И**

**Ж е в н о в
К о н с т а н т и н
А л е к с а н д р о в и ч**

16+

Константин Жевнов

**Шаманские пляски.
Разбитое зеркало – 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жевнов К. А.

Шаманские пляски. Разбитое зеркало – 2 / К. А. Жевнов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04609-2

Продолжение романа "Разбитое зеркало" разворачивает перед читателем новые события жизни героев предыдущей книги. Приключения, любовь, важные осознания и множество открытий. Земля вновь отправляет экспедицию на Марс, только в этот раз они знают куда и к кому летят. С экспедицией отправлен полномочный посол для установления дипломатических отношений между мирами. За несколько дней путешествия меняется все: неожиданная встреча в космосе, новый враг, предатели среди своих... Кажется, что выхода нет! И даже подключение к обороне "Школы Человеческого Духа" не дает полной уверенности в позитивном исходе. Финал книги и путешествия быстрый и неожиданный для всех.

ISBN 978-5-532-04609-2

© Жевнов К. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Пляски с бубном	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

– Значит, ты точно решил? Может, передумаешь? – спросил молодой парень, в недавно введенной военной форме Сил Космической Обороны со знаками различия майора в петлицах.

– Точнее некуда! – рубанул рукой его собеседник. – Мою отставку приняли, в институте восстановили. Вот докатаем обязательную программу по показу героев населению и все!

– Я слышал, что Кирилов, до сих пор, держит вакансию начальника экспедиции открытой, – осторожно начал майор.

– Да пошел он к черту, этот Кирилов! – буркнул второй военный, со знаками различия полковника. – Второй раз наступать на те же грабли я не готов! Вон, пускай Криса соблазняет! – он потер лицо руками и продолжил: – Я, Вань, свое отвоевал и отлетал! Мне всего-то двадцать два года от роду, а седых волос чуть ли не как у деда старого! Так что, пока не поздно, буду вращаться в гражданку! Раз уж судьба мне фактически подарила вторую жизнь, глупо этот шанс не использовать!

– А я согласился, – сообщил названный Иваном и слегка смущенно улыбнулся, – Я без пульта управления как-то не уверенно себя чувствую, да и корабельная гравитация меня устраивает больше, чем Земная.

– Ну и молодец! – собеседник Ивана хлопнул его по плечу, – У каждого своя дорога и свой выбор! Мой путь это только мой путь, и совершенно не факт, что он подойдет кому-то еще! Ты лучший пилот, которого я знаю, а уж знаю я многих! Так что дерзай, мало ли, может, в адмиралы выйдешь! Послушай, Вань, как звучит. Адмирал Сил Космической Обороны Земли, ну, или Адмирал Космофлота Объединенных Вооруженных Сил Земли, а может и еще как, но главное, что, Иван Сергеевич Молчалин!

– Ой, да ладно вам, Глеб Глебович, издеваться! – улыбнулся Иван, – Мне до адмирала, как до Марса на велосипеде! Хотя не спорю, звучит хорошо!

Оба военных рассмеялись и, не торопясь, продолжили прогулку по парку. Изредка попадавшиеся им навстречу прохожие их явно узнавали. Многие улыбались и махали рукой, на что военные сдержанно кивали, а иногда тоже позволяли себе улыбнуться.

– Так что, как станешь адмиралом, – отсмеявшись, сказал Глеб, – Обращайся! Я тебе такую резиденцию запроектирую, закачаешься! Все остальные адмиралы, помрут от зависти, и придется тебе командовать всем флотом, больше-то некому будет!

– Договорились! – хмыкнул Молчалин, – Как только, так сразу!

Мужчины молча прошли метров двести, автоматически отвечая на приветствия и погрузившись каждый в свои мысли. Первым тишину нарушил Глеб:

– Если не секрет, в качестве кого ты летишь, пилота?

– Нет, – выныривая из задумчивости, ответил Молчалин, – Мне предложили стать Капитаном Аполло, я согласился.

– Ну! Я же говорил! – усмехнулся полковник, – Растешь не по дням, а по часам, скоро станешь адмиралом! – он снова хлопнул Ивана по плечу, – Поздравляю! Кстати на полном серьезе, я думаю, что Капитан из тебя выйдет замечательный, не такой конечно как я, но мы же не ждем чудес, верно?

– Правда? – почему-то смутился Иван.

– Чистая! – кивнул Глеб, – Из наших еще кого-нибудь соблазнили?

– Из наших, нет, – ответил Молчалин. – Несколько человек из экипажа Аполло решили лететь, а наши... Короче, никто не захотел.

– Ну, с аполлоновцами, с теми все понятно, нужно же, все-таки, на Марсе побывать, а с нашими – странно, – задумался полковник, – Очень странно. Как-то объясняли?

– Угу, – кивнул головой Иван, – Алита наотрез отказалась возвращаться на родину, даже гражданство уже получила, Антон, было, порывался, но супруга не пустила, – хмыкнул он.

– Понятно, – тоже улыбнулся Глеб, – А Крис?

– А у Криса образовался бурный роман! – продолжая улыбаться, рассказывал Молчалин, – Причем не один, а сразу три.

– Мда, силен Паттерсон! – хмыкнул полковник, – Ясно. Когда полетишь?

– Дату перенесли, скорее всего, после нового года, – ответил Иван, – Возможно даже в первых числах февраля.

– Угу, – ненадолго задумался Глеб, – Вань, тебе отпуск-то дали?

– Да, – кивнул Молчалин, – сорок календарных дней.

– Это хорошо, – сам себе покивал полковник. – Ты вот что, выкрой из него хотя бы недельки полторы, возьми из своего экипажа пару человек и договорись с Алитой, чтобы вас поднатаскала. Может я конечно и не прав, но чует мое сердце, не будут рады вам на Марсе, совсем не будут! Да и поведение нашей марсианки о том же говорит!

– Сделаю, Глеб Глебович, – серьезно кивнул Иван.

– И еще, – Глеб остановился и продолжил глядя прямо в глаза Молчалину, – Делай что хочешь, но добейся того, чтобы Алита дала тебе контакты тех, с кем там можно иметь дело. В конце концов, ну не могло на всю планету всего пара нормальных людей быть, кто-нибудь еще обязательно остался.

Немного помолчав, полковник продолжил:

– Ты, Вань, пойми. Старик и Алита это не показатель, они по марсианским воззрениям, мало что не сумасшедшие. Для нормального марсианина, мы что-то типа... забавных говорящих зверушек, которых можно погладить, приласкать, наказать, их можно даже бояться, но ни в коем случае не считать ровней! – он усмехнулся, – Вообще, марсиане еще те расисты, истинные арийцы по сравнению с ними, не овечки конечно пушистые, но где-то рядом. Ладно, сам разберешься. В общем, удачи и не сверни там себе шею!

Часть первая. Пляски с бубном

Глава 1

– Ну, что, Миш? – спросил Молчалин, входя в рубку.

– Без изменений, Иван Сергеевич. Идет параллельным курсом на пределе сканеров. Если бы на Аполлон не воткнули копию марсианского оборудования с Ареса, мы бы вообще его не засекли.

– И что сам думаешь? – поинтересовался Капитан, – Может случайность?

– Это вряд ли, кэп! – покачал головой первый пилот, – Больно уж осмысленно эта хреновина себя ведет. Разведчик это, без вариантов! – он поморщился и добавил: – Ведут нас, знать бы еще кто?

– А вот сейчас и узнаем! – хищно улыбнулся Молчалин и включил трансляцию, – Боевая тревога. Всему экипажу занять свои места, готовность тридцать секунд! Минаев, заряжай Дору, нужно будет аккуратненько подрезать крылышки нашему сопровождающему.

– Есть! – раздалось из динамика.

– Акопенко! Грузи первое отделение в катер и готовься взять разведчика на бордаж, – продолжил раздавать приказы Иван.

– Если вы не против, Иван Сергеевич, я возьму второе, – ответил командир десантников Николай Акопенко.

– На твое усмотрение, – согласился Молчалин, занимая свое кресло и пристегивая ремни, – Миша передай мне управление, – он устроился поудобнее, и положил руки на пульт, – Доклады?

– Экипаж занял места по боевому расписанию! – доложил Старший помощник капитана Седов Георгий Васильевич.

– Отлично! – хмыкнул Иван и добавил по трансляции, – Маневр через семь секунд!

Перегрузка была полностью погашена гравикомпенсаторами, а вот сам Аполлон совершил практически мгновенный прыжок в сторону неизвестного корабля, разом сократив с ним дистанцию более чем вдвое. Главный артиллерист не подвел, сделав аккуратное отверстие в центре разведчика.

– Дьявольщина! – воскликнул Ольшанский, – Все-таки тарелка!

– А я думал, что с ними покончено, – внимательно рассматривая изображение на экране, протянул Седов.

– Покончено, – кивнул Молчалин, – Но, похоже, не со всеми.

– Мы вылетаем, – раздался из динамиков голос Акопенко.

– Давай, Коля! Сильно там не рискуйте, и если что, сразу уходите, – сказал Иван.

– Принято! – ответил Николай.

– Иван Сергеевич, вызов с Прометея, интересуются, что мы тут за маневры устроили, – сообщил Георгий.

– Жора, объясни, что все в порядке, просто, чуть не прошляпили метеорит. Мол, что делать, марсианские технологии плохо стыкуются с нашими, ну, и все в таком роде. Цель уничтожили, продолжаем полет штатно, – секунду подумав, дал команду Молчалин.

– Вот так и сказать? – удивился Седов.

– Вот именно так и скажи! – усмехнулся Иван, – И пообщайся там с дежурным подольше, на отвлеченные темы.

– Хорошо, – с сомнением ответил Жора, – А зачем?

– Вот когда пообщаешься, тогда и объясню. Давай бодрее, не заставляй начальство напрягаться и беспокоиться! – улыбаясь, сказал Молчалин, – Так! Гриша, держи тарелку на прицеле. Коля, постоянно будь на связи и как пристыкуешься, дай картинку.

– Держу на мушке! – откликнулся главный артиллерист.

– Сделаю! – ответил Акопенко, – Будем на месте через пару минут.

– Вот и славно! – откинувшись в кресле, потянулся Иван, – Миша, бери управление и не торопясь возвращаемся на свое место в строю.

– Насколько не торопясь? – поинтересовался Ольшанский.

– Совсем не торопясь! – отрезал Молчалин, – В строй мы должны вернуться минут через пятнадцать, а еще лучше, позже!

– А! Ну, это я запросто! – усмехнулся Миша, – Медленно и печально – это как раз мой стиль!

Пару минут было слышно лишь Жору, что с шутками, прибаутками и ужасающими подробностями вешал лапшу на уши дежурному с Прометея, как они чуть не столкнулись с метеоритом, и лишь в последнюю секунду их доблестный Капитан спас всех от неминуемой смерти. Наконец на связь вышел Акопенко:

– Пристыковались. Даю картинку, – и после пары секунд молчания продолжил: – Да уж! Ну и наворотил тут Гриша! Кэп, я думаю, что ни черта живого тут не осталось. Идем внутрь.

– Картинку вижу, – откликнулся Молчалин, – Коля, не торопитесь, у вас есть минут десять-пятнадцать, будет нужно, еще задержимся.

– Хо-ро-шо! – по слогам ответил командир десанта.

Картинка была четкой. Первый десантник нырнул в пробоину в борту тарелки, освещая себе путь наплечными фонарями. На несколько секунд его спина полностью заслонила обзор, но вот она ушла в сторону. Да, Дора поработала на славу! Внутри был оплавленный металл, и какие-то разноцветные потеки, возможно, от пластика. Сложно было даже предположить, что именно здесь раньше находилось.

В свете фонарей, слева стал виден проход, к которому тут же полетели двое бойцов. Вот, они нырнули в него и практически сразу, один из них вылетел оттуда спиной вперед, разряжая обойму одной длинной очередью, за ним метнулась какая-то тень. Впрочем, ничего конкретного рассмотреть не удалось.

– Назад! – истошно заорал Акопенко, и картинка с его камеры стала метаться как безумная, – Всем назад! Быстро! Кэп это не тарелка Системы, это – Чужие!

– Вы отдаете себе отчет, Иван Сергеевич, что ваши безответственные действия поставили всю нашу миссию на грань, нет, я не побоюсь этого слова, они практически сорвали ее! – в конце голос говорившего дал легкого петуха, что порядком снизило пафосность речи.

Иван стоял по стойке смирно в каюте Прометея, отданной под офис дипломатической миссии. Напротив него в кресле развалился полномочный посол Земли Аллен Киссинджер, официально считалось, что он просто однофамилец печально знаменитого Генри, но вот Молчалин печенкой чувал, что что-то тут не так. Распекал его секретарь посольства Шепетов, не соизволивший сообщить свое Имя-Отчество. Причем длились эти распекания-завывания уже минут десять. Кроме пары посольских, при разборе полетов, присутствовал еще Капитан Прометея полковник Булгаков, бывший по совместительству еще и руководителем экспедиции.

– Я считаю! Да-да! Я считаю, что подобная безответственность должна быть наказана, самым строгим образом! – продолжал распинаться Шепетов, – Я требую отстранить майора Молчалина от командования Аполлоном, лишить его звания и посадить под арест, вплоть до возвращения на Землю, где передать компетентным органам для суда!

– А может его просто расстрелять? – скучающе поинтересовался Булгаков, внимательно рассматривая свои ногти на правой руке.

– Нет, решительно нет! – тут же ответил ему секретарь, – Мы не вправе выносить подобные решения, пусть открытый суд решит его участь!

– Дааа? – протянул Капитан Прометей, – А лишать звания, значит вы вправе?

– Ну, как бы... – задумался Шепетов, – Но, тем не менее...

– Вправе или нет? – в голосе Булгакова отчетливо прозвучал металл.

– Откровенно говоря, подобных прецедентов не было, – снова начал словоблудить секретарь посольства, – Но если рассматривать ситуацию со всех сторон, то, несомненно...

– Ясно! – отрезал Капитан Прометей, – Мистер Киссинджер, у вас есть претензии к действиям моего подчиненного?

– Но я же предельно точно вам объяснил...! – тут же влез в разговор Шепетов.

– Вас, я не спрашивал! – уже откровенно грозно сказал Булгаков. – Итак, мистер Киссинджер?

– Нет, – слегка брезгливо дернул губой Аллен, – У меня нет претензий к действиям капитана Молчалина.

– Майора Молчалина! – голосом Капитана Прометей уже можно было замораживать воду в промышленных масштабах.

– Ну, хорошо, майора Молчалина, – слегка обозначил улыбку Киссинджер, – Господа, не смею вас больше задерживать!

– Иван Сергеевич, подождите меня в коридоре, я скоро вас догоню! – бросил Булгаков.

Иван слегка поспешно покинул каюту, и встал рядом с дверью, привалившись спиной к стене. Муторно и противно было до чрезвычайности. А главное, в чем-то этот противный секретарь был прав. Молчалин прикрыл глаза, очередной раз, переживая сегодняшние события. Лишь по чистой случайности никто не погиб, но один десантник был в коме, а у второго был нервный срыв и врачи накачали его успокоительным по самые гланды. Опрос остальных участников высадки и анализ кадров съемки много не дал.

Вообще было ощущение, что кто-то сыграл с ними злую шутку. Из четверых бойцов хоть что-то видели сержант Максвелл и сам Акопенко, двое других вообще не смотрели в ту сторону, но на некоторое время почувствовали сильнейший страх, граничащий с ужасом. Громадный двухметровый негр Максвелл утверждал, что четко видел громадного черного паука, со жвал которого текла какая-то ярко-оранжевая дрянь и, рассказывая об этом, буквально менялся в лице, приобретая пепельно-серый цвет кожи.

А Николай не менее четко увидел некое существо в скафандре, как две капли воды похожее на чужого из одноименного старого фильма. Держался Акопенко лучше подчиненного, но было ясно, что даже воспоминания страшат его до чертиков. Что видели находящийся в коме Анатолий Ливанов и его постоянный напарник Сергей Горелов, по понятным причинам выяснить не удалось. Однако, можно было утверждать, что стрельба учиненная Сергеем, оказалась результативной. Ужас разом отпустил десантников и вернул им способность к осмысленным действиям.

Николай эвакуировал Ливанова и Горелова, а сам с санитаром Исигава, обследовал коридор, вот только ни черта они там не нашли, кроме дырок от пуль. Коридор вел в какое-то техническое помещение, буквально забитое неизвестным оборудованием, а это самое оборудование приняло на себя большую часть боекомплекта выпущенного Сергеем. Акопенко принял решение о срочной эвакуации, и как выяснилось, очень вовремя. Буквально через три секунды после отстыковки катера, остатки чужого корабля полыхнули яркой вспышкой и исчезли.

Еще веселее было с тем, что засняли камеры десанта. А ничего они не засняли! Вообще ничего, то есть совершенно! Никакого Чужого, никакого паука, даже ту тень, что видел на экране сам Молчалин, ничего из этого камеры не засняли, только интерьеры уничтоженного звездолета и самих десантников, несколько секунд ведших себя не адекватно. А еще по непо-

нятной причине, отсутствовали кадры снятые Исигавой и Николаем в комнате за коридором. Сплошная засветка.

Дверь каюты отъехала в сторону, и в коридор вышел Булгаков. Окинул Молчалина суровым взглядом, махнул рукой, мол, следуй за мной и направился к собственному офису. Иван вздохнул и поплелся вслед за начальством. Настоящая выволочка явно была впереди.

– Присаживайтесь Иван Сергеевич, присаживайтесь! – голос Капитана Прометея был сух до невозможности.

– Благодарю, Сергей Петрович, – отчетливо вздохнув, ответил Молчалин и сел в предложенное кресло.

Булгаков прошел к своему креслу, грузно сел и, барабаня пальцами по подлокотнику, уперся тяжелым взглядом в Ивана. На несколько секунд повисла тяжелая пауза. Молчалин снова вздохнул и сказал:

– Спасибо, Сергей Петрович, что прикрыли от Киссинджера.

– Не за что! – холодно ответил Булгаков, – Я лучше тебя сам в порошок сотру! Какого черта ты творишь, Иван Сергеевич? Почему я узнаю обо всем последним? Какого дьявола, ты лезешь, черт знает куда, без моей санкции? – все это он произнес, не повышая голоса, на одной ноте и если бы не сверлящий взгляд и арктический холод в голосе, можно было бы решить, что беседа носит сугубо мирный характер.

– Виноват! – ответил Иван, и очередной раз тяжело вздохнул.

– Я, конечно, понимаю, что у тебя Иван Сергеевич, опыта в борьбе с кораблями Системы в открытом космосе больше, чем у нас у всех вместе взятых. Понимаю, что в марсианских делах ты самый опытный и подкованный человек во всей нашей экспедиции. И просто уверен, что по прилету, ты будешь заниматься некими, скажем так, неофициальными делами. Все понимаю, но, если ты Иван Сергеевич, еще раз поставишь меня раком, либо в какую другую интересную позу, перед этим американским Алл-Кисом, я тебя расстреляю к чертям собачьим и скажу, что так и было. Вопросы есть?

– Никак нет, Сергей Петрович! – вскочил и вытянулся по стойке смирно Молчалин.

– Тогда, свободен! – Булгаков на секунду прикрыл глаза, и произошла метаморфоза, нормальный, обычный, слегка насмешливый взгляд, никаких молний и сверл, даже воздух в каюте, казалось, потеплел. – Сегодня к вечеру жду подробный отчет о боестолкновении, зашифруешь альфа-кодом, передашь лично.

– Есть! – ответил Иван и, изобразив четкий разворот на каблуках, покинул офис начальника экспедиции.

Спустя три часа после беседы с Булгаковым, Молчалин сидел в своей каюте и тупо смотрел в стену. Перед ним на столе были аккуратно сложены все материалы по произошедшему сегодня боестолкновению, включая компьютерный анализ всех записей камер, на предмет их подлинности. Ничего нового, ровным счетом, ничего. Иван потер лицо, еще раз взглянул на стену и резко встал, решив все же проверить одну идею. К отчету ее, конечно, не пришлешь, но может хоть у самого какая-никакая ясность появится.

Вскоре он уже входил в помещение лазарета. Там его встретил старший врач корабля Арсений Петрович Кочетов, принимавший участие в Первой Марсианской экспедиции, правда, как и остальные выжившие аполловцы, большую часть времени просидевший в ангаре, превращенном мятежниками в тюрьму.

– Здравствуйтесь, Арсений Петрович! – войдя, поздоровался Иван и протянул руку для рукопожатия, – Как ваши подопечные?

– Здравствуйтесь, Капитан! – с улыбкой ответил доктор, пожимая руку, – Да, все так же – его улыбка истаяла и сменилась озабоченностью – Ливанов в коме, и откровенно говоря,

вряд ли из нее выйдет. Вроде и повреждений никаких нет, а он угасает, буквально на глазах и поделаться с этим я ничего не могу. Ну, а с Гореловым сможете побеседовать утром, сейчас он спит.

– Ясно, – сказал Молчалин и на пару секунд задумался. – Вы ведь видели, как Алита лечила пациентов?

– Да, имел такое удовольствие! Это незабываемо! – широко улыбнулся Кочетов, – Как вернемся на Землю, обязательно постараюсь набиться к ней в ученики.

– Дело хорошее, – кивнул Иван, – Я хотел бы попробовать поработать с пациентами по ее методу.

– А вы сумеете? – с сомнением поинтересовался Арсений.

– Ну, в отличие от вас, доктор, я уже прошел у нее обучение, – улыбнулся Молчалин, – Так что, могу попробовать.

– Не знал, – смутился Кочетов, – Я могу присутствовать?

– Да, я как раз хотел вас попросить об этом, но раз вы сами вызвались, тем лучше, – ответил Иван. – Не будем тянуть, пойдёмте. Или у вас есть неотложные дела?

– Неотложных нет, проходите! – сказал доктор и открыл дверь в палату.

Молчалин взял стул и поставил его рядом с койкой Сергея Горелого, сел и взял спящего за руку.

– Мне далеко до Алиты или Грустинина, так что это может занять довольно много времени, – сказал Иван и прикрыл глаза.

Погружение в состояние, которое марсианка называла – единением с миром, а Глеб Грустинин, состоянием всемогущества, давалось Молчалину тяжело. Но с другой стороны, оно ему давалось. Из четырех человек, которых он перед отлетом взял с собой на Луну для обучения у Городецкой, хоть что-то к концу второй недели, стало получаться лишь у одного. Да и то, он в результате остался на земле. По поводу остальных, Алита высказалась примерно в следующем ключе: «Все они могут, но они не хотят! То чему я их учу, настолько выбивается из их картины мира, что у них срывается защитный барьер, и они просто не хотят видеть очевидного! Либо в критической ситуации этот барьер сломается сам, либо на его снос могут уйти годы, а может быть и всей жизни не хватит. Ваня, ты выбрал не тех людей, у нас нет этих лет».

Вообще, как и говорили наставники, с каждым разом погружение проходило все легче и быстрее. Молчалин, балансируя между полным погружением и бодрствованием, тихо сказал:

– Все, доктор, я начал, без крайней надобности, меня не беспокойте!

Самым слабым местом Ивана была визуализация. Он прекрасно знал, что ему нужно, но вот, зачастую, представить себе это, было, просто, выше его человеческих сил. Неожиданно, сегодня с формированием образа проблем не случилось. Вот Сергей, вот он сам, можно приступить. На прямой контакт Горелов отказался идти напрочь, он спал и видел сны, и то, что в одном из снов образовался образ Капитана, его очень мало взволновало. Просьбу показать, что именно произошло на чужом корабле, Сергей проигнорировал, предпочитая совсем другие образы, а когда Иван попытался упорствовать в своем желании, как-то легко и просто обрубил связь и выкинул Молчалина из своих снов.

Некоторое время Иван пытался восстановить связь, но безуспешно. Горелов построил великолепную защиту, и проникнуть сквозь нее, без личного разрешения Сергея, было если и возможно, то явно за пределами сил и знаний Молчалина. Немного помучившись, Иван поставил себе в памяти зарубку, когда все немного устаканится, обязательно поговорить с десантником и если тот согласится, начать его обучать, а потом отправить к Алите. Напоследок Молчалин провел общую диагностику здоровья, и не найдя никаких серьезных нарушений, просто, слегка подпитал бойца энергией. Теперь следовало заняться вторым пациентом.

Раз уж с визуализацией сегодня проблем не было, Иван решил попробовать обойтись без телесного контакта и просто представить себе образ Ливанова. Получилось, на удивление,

легко. Молчалин потянулся к созданному образу анализаторами и сразу понял, что со вторым десантником, что-то крепко не так. Первым впечатлением было, что ему, просто, не удалось создать образ, связанный с оригиналом. Потом пришло осознание, что с телом-то образ связан, а вот с душой как-то не очень. Не было у этого тела души, Иван настолько удивился, что чуть не выпал из концентрации в обычную реальность.

А потом странности стали множиться. Внутри тела Анатолия обнаружился сгусток пульсирующей тьмы, от которого тянулись отростки, буквально по всему организму, особенно толстые шли к энергетическим центрам или как их еще называли – чакрам. Этот сгусток буквально высасывал из десантника все силы. Чуть позже Молчалин обнаружил и канал связи с душой, причем, если бы не знал, где искать и не делал этого предельно тщательно, фиг бы обнаружил, настолько он был тонок. Канал был практически пережат одним из отростков и держался буквально на честном слове.

Иван растерялся. Ни чего подобного, он ни то что бы, ни видел, но даже и не слышал о подобном. Молчалин сформировал сгусток позитивной энергии и попытался подпитать им Ливанова, но стоило энергии начать вливаться в тело десантника, как в эту область разом ломанулись все окружающие отростки тьмы и мгновенно всосали всю энергию в себя, а темный сгусток на глазах увеличился и стал пульсировать значительно бодрее.

Тогда Иван вспомнил рассказ Грустинина, о том, как он на Марсе рвал контролировавшие его воздействия местных. Молчалин сформировал, что-то, что в его понимании, было острейшими скальпелями, и аккуратно отрубил один из отростков тьмы. Отрезанный участок задергался, попытался дотянуться до места отреза, но Иван не дал, отодвинув кусочек в сторону. Участок еще немного подергался и истаял, но победа была так себе, отросток очень быстро отрастил замену потерянному участку. Тем не менее, Молчалин решил, что он на верном пути.

Некоторое время он кромсал отростки и не давал им срастись вновь. В конечном итоге освободив от них почти половину тела Ливанова. Канал связи с душой немного окреп, и его стало нормально видно. Вот только сам Иван очень устал. Стоило ему прекратить уничтожение темной сущности, как она тут же стала отвоевывать потерянные позиции. Молчалин понял, что такими темпами он раньше сам сдохнет от энергетического истощения, чем грохнет этот чертов сгусток.

Пару секунд передохнув, он решил изменить тактику и всадил свои скальпели в самый центр тьмы. Вот тут его ждал сюрприз. Если отростки рубились сравнительно легко, то центр сгустка оказался прочным и лезвия лишь бессильно скользили по нему. Иван разозлился и, сформировав в своем сознании какую-то хреновину, то ли копье, то ли меч, в общем, нечто вполне футуристическое и, напитав это всей доступной энергией, всадил в самый центр сгустка. Действие оказалось успешным, сгусток стал таять, а потом полностью исчез в крохотной, но ослепительной вспышке.

Молчалина стремительно выкинуло в реальность и, судя по реакции врача, выглядел он не очень. Иван, сдуру, попытался встать и если бы не помощь Кочетова, неминуемо свалился бы. Сил не осталось совершенно, даже сидеть было невыносимо тяжело. Доктор, однако, мгновенно сообразил, что у него стало на одного пациента больше и, не мешкая, подхватил теряющего сознание Капитана и потащил его к свободной койке.

Впрочем, пришел в себя Иван быстро, и пяти минут не прошло, а еще минут через десять уже полностью оклемался. Доктор изучал показания медицинских приборов подключенных к Ливанову, но увидев, что Капитан сел на койке тут же к нему подошел.

– Как вы себя чувствуете, Иван Сергеевич? – оценивающе разглядывая Молчалина, спросил он.

– Значительно лучше, – повертев головой, ответил Иван, – Не знаете, что это такое было?

– Я с подобным сталкивался лишь однажды, Алита называла это энергетическим истощением. Когда она Антона Городецкого вытягивала у нее нечто подобное случилось, – ответил доктор, – Но смотрю, вы уже оправились, у Городецкой ситуация была хуже, она восстанавливалась около часа.

– Ясно, – задумчиво произнес Молчалин, – А как дела у десантников?

– У Горелова все так же, а вот у Ливанова значительно лучше! – Кочетов хмыкнул, – Эта марсианская медицина, настоящие чудеса творит. Пациент вышел из комы, все жизненные показатели в норме, хотя час назад он, буквально, на ладан дышал. Сейчас спит, думаю лучше его не будить, но если очень нужно, то...

– Думаю, необходимости в этом нет, – улыбнулся Иван, – Слушайте, Арсений Петрович, а у вас здесь вода есть, питьевая?

– Есть, – недоуменно ответил доктор.

– Тогда, будьте так добры, выдайте мне пол-литра, а то в глотке, как в пустыне, и я, пожалуй, еще раз поработаю с Ливановым, – сказал Молчалин, вставая.

– Хорошо, но может лучше кофе? – поинтересовался Кочетов.

– Нет, спасибо, сейчас лучше обычной воды, может быть только родниковая, но боюсь, что в ближайшее время нам с вами ее взять будет негде, – усмехнулся Иван.

Спустя пару минут, вдоволь напившись, Молчалин вновь устроился на стуле, правда, на сей раз, решил пойти простым путем и взял пациента за руку. В состоянии измененного сознания входилось тяжело, видимо сказывалось недавно пережитое энергетическое истощение. Но, наконец, Ивану удалось войти. Тело Ливанова выглядело совсем иначе. Вполне нормальное человеческое тело, малость потрепанное жизнью, со следами энергетического голодания, но живое, почти здоровое и с душой.

Молчалин потянулся к сознанию Анатолия и практически сразу сумел наладить с ним диалог. В отличие от Горелого, Ливанов был готов сотрудничать и поделиться со своим Капитаном имеющейся информацией. Вскоре Иван глазами десантника наблюдал, что же происходило в том коридоре на чужом звездолете.

Вот Анатолий забросил свое тело в коридорчик и, не обнаружив ничего опасного, махнул напарнику и двинулся вперед. Так, а теперь помедленнее. Откуда-то сверху метнулась черная тень, Ливанов, на вбитых намертво в подсознание рефлексах, совершает резкий маневр и тень промахивается, но сразу же меняет направление движения и несется к Сергею. Горелов вскидывает винтовку и особо не раздумывая дает по тени одну длинную очередь. Тень начинает видоизменяться, как в калейдоскопе, меняя образы, один безобразнее и ужаснее другого. Сознание Анатолия начинает затапливать практически не контролируемый страх, становится очень тяжело соображать, а тело начинает жить своей жизнью, то есть тупо дергается в неведомости. Сергея отдачей винтовки выносит из коридора, но он продолжает стрелять.

Наконец, пули находят цель и сразу несколько подряд рвут образ очередного монстра в локуты тьмы. Тень корчится, сквозь нее проносятся еще несколько пуль, вырывая куски и оставляя в тени громадные прорехи, очередная пуля впивается в кляксу, вспышка света, тень исчезла. Но страх не уходит, хотя хоть какой-то контроль над телом удастся вернуть. И тут боковым зрением Ливанов видит еще одну тень, только вот сделать ничего не успевает. Ступок пульсирующей тьмы касается скафандра, мгновенное ощущение удушья, укол ужаса, тьма.

Молчалин вывалился из воспоминания десантника, и хотя это было лишь воспоминание, ощущения были не из приятных. Иван мягко разорвал контакт с Ливановым, вкачал в его тело массу позитивной энергии, отчего образ десантника внутренне засветился и вышел в реальность. Ситуация прояснилась, вот только, что делать с полученным знанием, Молчалин пока не представлял.

– Здравствуйте, Сергей Петрович, вот мой отчет, – сказал Иван, протягивая Булгакову чип с зашифрованной информацией.

– Благодарю, Иван Сергеевич, – сухо сказал Булгаков. – Присаживайтесь и для начала в двух словах изложите ваше понимание ситуации и ваши выводы.

– Разрешите мне начать с одного вопроса, – попросил Молчалин, присаживаясь в предложенное кресло.

– С вопроса? Ну-ну. Разрешаю, – обозначил улыбку начальник экспедиции и занял свое кресло.

– Что вы знаете о марсианской технике воздействия сознанием на окружающий мир? – спросил Иван.

– Эко вы загнули, Иван Сергеевич! – уже откровенно заулыбался Булгаков, – Марсианская техника, воздействие сознанием. Скажем так, я знаком с ее возможностями, допускаю, что далеко не со всеми.

– Это в корне упрощает мой доклад, – вернул улыбку Молчалин. – Если вкратце, то мои выводы следующие. Во-первых. Уничтоженный нами корабль это разведчик и следил он, судя по всему, именно за нами. Во-вторых. Этот корабль не имеет отношения к Системе безопасности. В-третьих. Это инопланетный корабль, не имеющий отношения к Солнечной системе и человечеству в целом. Это – Чужие, Сергей Петрович. То с чем мы столкнулись это полу-энергетическая, полу-информационная агрессивная форма жизни, возможно разумная, наводящая на людей галлюцинации и практически не контролируемый ужас, а при физическом контакте вызывающая энергетическую кому, и смерть. Что еще. Эти существа уязвимы для нашего оружия, но практически не засекаются нашими приборами.

– Смелые выводы, – хмыкнул Капитан Прометей, – Полагаю, подтвержденные железобетонными доказательствами? – он вопросительно изогнул бровь.

– С доказательствами полный швах, Сергей Петрович, – развел руками Иван, – То, что я видел в воспоминаниях Ливанова, как говорится, к делу не подошьешь, а как его сознание интерпретирует это воспоминание и что он и Горелов смогут рассказать для протокола, большой вопрос.

– Понятно, – мотнул головой Булгаков, – Значит, доказательств нет, одни предположения, – он побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Так, вот что. Постарайтесь не распространяться о ваших подозрениях и не сеять панику в среде экипажей. Особенно в среде дипломатов, вы меня поняли?

– Понял, – кивнул Молчалин.

– Официально, я буду придерживаться версии, что инцидент был связан с атакой на Аполлон случайно сохранившимся, полусумасшедшим разведчиком Системы, – Сергей Петрович сделал паузу. – Неофициально. Продолжайте собирать информацию и не забывайте ее докладывать. Особенно последнее.

– Я вас понял, – вновь кивнул Иван.

– Все, я вас больше не задерживаю, можете идти, – Булгаков махнул рукой, – Ну, а я пока, попробую выжать из вашего отчета хоть что-то, что можно использовать.

Молчалин снова кивнул и, не прощаясь, покинул офис руководителя экспедиции, а спустя еще пять минут и Прометей. С одной стороны, он был очень рад, что Булгаков сразу же не передал его санитарам, для содержания в комнате с мягкими стенами в одежде вызывающей мысли о смирении и даже, где-то, покаянии. С другой, он был очень удивлен, скажем так, покладистостью и легковерием прямого командира. Как-то не вязалось это с тем образом, что сложился у него о Булгакове, совсем не вязалось.

« – ел аварию гравилет следовавший по маршруту Антверпен – Оттава, с двадцатью двумя пассажирами на борту. Своевременное срабатывание системы безопасности и дубли-

рующих систем предотвратило крушение, хотя пассажирам и пришлось пережить несколько неприятных мгновений. Полиция Оттавы расследует инцидент, по словам комиссара Иереми Блейка: «На сегодняшний день мы разрабатываем несколько версий, не исключаем и возможность теракта». Напомним, что за прошедший месяц, это уже третий случай аварий произошедших с серийными гравилетами европейской постройки.

Главная новость.

– Сегодня, двенадцатого февраля, в шестнадцать часов по Иркутскому времени в Калининграде состоялось историческое событие, которое в корне изменило политическую карту нашей планеты! Создано Земное Содружество! Основателями данного беспрецедентного сообщества выступили КСАШ и Российский союз! В Земное содружество также сразу же вошли практически все анклавы Европы и Южной Америки. На завтра запланированы слушания по вступлению в Содружество, нескольких анклавов Юго-Восточной Азии и Западной Африки.

Кроме того, одним из первых решений Земного Содружества явилось создание Военно-космических сил (Военного Космофлота), в которые были преобразованы созданные полугодом ранее Силы космической обороны объединенных вооруженных сил Земли. Нужно заметить, что все не свелось к чисто номинальной смене названия. Перед вновь созданным Космофлотом поставлены совершенно другие задачи, включающие не только, и даже не столько защиту родной планеты. Подробнее об этом смотрите в нашем специальном выпуске.

К другим новостям.

– Благодаря созданному в Казанском Государственном университете биогелю, позволяющему надежно цементировать мелкодисперсные материалы на большие глубины, за последние шесть месяцев удалось вернуть в систему землепользования более ста тысяч гектаров земель, ранее считавшихся не поддающимися восстановлению. Коллектив авторов во главе с профессором И.А. Быковым выдвинул на соискание премии Земного Содружества.

На Благовещенском заводе, первым освоившем выпуск биогеля, с апреля этого года решено, значительно увеличить его выпуск, чтобы не только полностью закрыть потребности внутреннего спроса на этот замечательный продукт, но и начать его экспорт в другие части Земного Содружества.

Новости космоса.

– Уже неделю, как стартовала Вторая Марсианская Экспедиция под командованием полковника Космофлота Земного Содружества Сергея Петровича Булгакова. В состав экспедиции вошли два новейших земных крейсера – Прометей и Геракл, практически в последний момент к ним присоединился еще один земной корабль, получивший по новой классификации статус эсминца, Аполлон. Корабль прошел глубокую модернизацию, учитывающую бесценный опыт дальнего космического путешествия собранный экипажами Первой Марсианской. Напомним, что Капитаном Аполлона назначен майор Иван Молчалин, бывший первым пилотом на, пожалуй, самом легендарном космическом внутрисистемном корабле Земли – Аресе.

Экспедиции предстоит выработать оптимальные внутрисистемные маршруты к Марсу и обратно, убедиться в безопасности космических дорог от встреч с возможными остатками флотов Системы Безопасности, которые столько горя и разрушений принесли, в прошлом, нашей планете. Но основной задачей для них является создание прочных дипломатических связей с нашими ближайшими соседями – марсианами. Для этой цели на борту Прометея на Марс отправился чрезвычайный посол Земного Содружества Аллен Киссинджер, которому вручены очень широкие полномочия.

Сегодня по дальней связи на корабли экспедиции были переданы новости с Земли, в том числе и новость о создании Космофлота. Она была горячо принята экипажами земных кораблей! А благодаря предусмотрительности лиц отвечавших в РС и КСАШ за подготовку Второй Марсианской, уже завтра утром экипажи смогут первыми в Космофлоте одеть новую парадную форму и новые знаки различия.

За пределами Союза.

– Третий день между правительствами анклавов бывших Малайзии и Новой Зел...»

Глава 2

– Рядовой Горелов по вашему приказанию прибыл! – встав по стойке смирно, посреди капитанского кабинета, отчеканил басом боец.

– Здравствуйте Сергей, присаживайтесь, – указал рукой на стул Молчалин.

– Спасибо, Кэп, я лучше постою! – ответил десантник, глядя поверх голов собравшегося начальства.

В офисе кроме Молчалина и Акопенко присутствовали также Старший врач Кочетов и Старпом Седов. Атмосферу Иван попытался создать неформальную, рассадив всех собравшихся за круглый стол, вот только боец, не осознав начальственной мудрости, тупо стал столбом посреди кабинета и этим смешал Капитану все карты в предстоящей беседе.

– Да сядь уже, не маячь, – слегка поморщившись, сказал Акопенко, – Не на плацу чай.

Горелов помялся и как-то неловко присел на краешек стула, а лицо его как-то погрузнело или скорее даже помрачнело.

– Вот я пень старый! – неожиданно стукнул себя по лбу доктор, – Горелов, вы уж извините, если вам удобнее, конечно постойте.

– Спасибо доктор! – выдал разом просиявший десантник и вскочил.

– Иван Сергеевич, вы уж простите, забыл сказать, – Кочетов развел руками, – Я, когда вчера Горелова успокаивал, был вынужден сделать ему пару уколов в филейную, так сказать, часть, а они оставляют довольно болезненные, скажем так, последствия. В общем, сложно ему сидеть будет в ближайшие пару дней.

Повисла тишина, а потом грянуло. Акопенко хохотал так, что сполз под стол, Седов смахивал скупую мужскую слезу и прикрывал лицо какими-то бумагами, Молчалин, честно пытался удержаться, но подвел доктор, который так прикольно хлопал глазами и разводил руками, что Иван не выдержал и тоже сорвался в неконтролируемый хохот. Сам Кочетов, впрочем, также не продержался долго, и даже виновник, истерики старшего комсостава Аполлона, вскоре заржал, правда, став несколько более пунцовым, чем положено по уставу. Относительный порядок удалось установить только через несколько минут, причем все чуть не испортил Седов, отсмеявшись, он сказал:

– Я вас очень хорошо понимаю, сам как-то побывал на вашем месте, правда, дело было с дамой, так что можете постоять там, где вам удобно.

Молчалин понял, что сейчас совещание и закончится и пока люди вновь не выпали в осадок, заорал:

– Отставить!

Как ни парадоксально, подействовало. Даже Горелов приобрел разом нормальную окраску и вновь встал по стойке смирно.

– Все! – Иван хлопнул по столу ладонью, – Посмеялись и хватит! Сергей Всеволодович, как вы думаете, зачем вас сюда пригласили?

– Полагаю за неспровоцированную растрату боеприпасов! – отчеканил десантник.

Молчалин малость офигел от подобного, даже головой потряс, чтобы попытаться понять витиеватой ход мысли бойца, приведший к подобному выводу. Наконец он хмыкнул и спросил:

– И с чего вы пришли к подобному выводу?

– Я говорил с сослуживцами и понял, что, скорее всего, мы столкнулись с голограммой или наведенной иллюзией, я должен был сразу сообразить, что это не материальный объект и прекратить ведение огня! – вновь отчеканил боец.

– Угу, – глубокомысленно произнес Капитан, – А если я вам скажу, что вызвал вас совсем с другой целью и по совершенно другой причине. Сможете догадаться по какой?

– Никак нет! – ответил Горелов, а на его лице отчетливо отразилось недоумение, видеть и вправду даже версий других у него не было.

– Для начала, – сказал Молчалин, вставая, – Позвольте поблагодарить вас от имени командования экспедиции и от себя лично, за прекрасно проделанную работу и спасение жизней шести человек и это не считая вашей собственной. Представление о вашем награждении уже передано полковнику Булгакову.

– Че? – уронив челюсть и округлив глаза, до полного сходства с совенком, выдал десантник, – Ой, виноват! Благодарю. Ой. Служу Российскому Союзу! Ой... – вконец смешался он – В смысле, этому... Земному Союзу!

Акопенко тихонько, вновь сполз под стол, еле сдерживая смех и только повторял:

– Урою, идиота! Вот же зараза!

Остальные, надо заметить, были не лучше. Молчалин, сдержавшись немислимым усилием воли и прикрыв глаза, сказал:

– Все свободны! Рядовой Горелов зайдите ко мне после обеда! Свободны, сказал!

Дождавшись момента, когда похрюкивающие подчиненные, наконец, освободят помещение, Иван упал в свое кресло и от души, неприлично, размазывая слезы, заржал.

Спустя сорок минут Молчалин пригласил в свой кабинет Ливанова, на всякий случай, предварительно, справившись у доктора, с этим-то все в порядке, а то может ему тоже сидеть нельзя или еще что. После того, как Кочетов уверил, что с десантником все в порядке, Иван подумал и принял решение все же провести предварительный разговор тет-а-тет. А подумав еще немного, добавил к этой встрече видеозапись разговора, так, на всякий случай. В одиннадцать тридцать по корабельному времени в дверь раздался уверенный стук.

– Войдите! – крикнул Молчалин, потом в полголоса чертыхнулся и, нажав кнопку переговорного устройства, повторил: – Войдите!

– Младший сержант Ливанов, по вашему приказанию, прибыл! – войдя, произнес боец.

Если Горелов напоминал большого, но слегка не поворотливого медведя, то вот Анатолий Ливанов скорее напоминал кого-то из кошачьих. Больше всего он походил на барса, та же плавность, уверенность и сила в каждом движении, да и в физиономии у него проглядывало что-то от этого семейства.

– Здравствуйте, Анатолий Борисович, присаживайтесь, – кивнул на приветствие Иван и рукой указал на одно из кресел, стоявших у стола.

– Здравствуйте Капитан, с удовольствием, – ответил десантник и в одно движение перетек к столу и занял предложенное место.

– Анатолий Борисович, я пригласил вас для беседы о событиях, произошедших на борту инопланетного корабля, – начал Молчалин, – Для начала, я хотел бы узнать, вы помните, что там произошло.

– Да, помню, – нахмурился Ливанов, – Нужно сказать, далеко не лучшее воспоминание в моей жизни, а в ней, знаете ли, много что происходило, от чего волосы седеют раньше времени, – младший сержант махнул рукой и продолжил: – Что именно вас интересует, Капитан?

– Да собственно все, что вы запомнили, и желательно не сухие факты. Так же мне интересно было бы услышать ваши мысли по поводу произошедшего, – ответил Иван, – И давайте подробно, вполне возможно, что главное кроется как раз в мелочах и нюансах.

– В подробностях, говорите, – Ливанов, потер лицо руками, – Хорошо. С какого момента?

– А вот прямо с момента стыковки, – сказал Молчалин и выжидательно уставился на десантника.

Лицо Анатолия расслабилось, он прикрыл глаза и начал рассказ:

– Стыковка прошла штатно. Командир доложил вам о нашем прибытии, а Максвелл в это же время закончил прожигать проход, он же первым и нырнул в пространство чужого корабля.

Вторым шел Командир, за ним Исигава, Семенов и Шмидт. Они должны были занять периметр, после них была наша с Серегой очередь. В нашей двойке первым всегда иду я, а Горелов прикрывает, так же было и в этот раз.

Первое, что я почувствовал, оказавшись на чужом корабле, это его чуждость. Уж извините за тавтологию, Капитан. Я участвовал в захвате нескольких тарелок Системы, был на Луне, участвовал в том, неудачном для нас, штурме подземной базы в Центральной Африке, но там нигде не возникало подобного ощущения. Все же Система была, так или иначе, но плоть от плоти Человечества и строила свои объекты по людским меркам и лекалам. А здесь... Не знаю, ничего такого, что указывало бы на чужое происхождение, но ощущение было сильным.

Я, вообще, очень не люблю драться в невесомости. У нас, конечно, великолепные скафандры и системы управления передвижением, но, сами понимаете, подсознанию на эти технические новинки, глубоко, хм, все равно. Оно привыкло к твердой опоре под ногами. Поэтому я всегда стараюсь выбирать маршрут так, чтобы иметь возможность, если что, оттолкнуться от корпуса или какой-нибудь детали ногами. В этот раз я поступил точно так же.

Когда влетел в этот злополучный коридор, у меня, знаете ли, как будто, холка стала дыбом. Вроде все пространство просматривается, не спрячешься, а ощущение, что держат тебя на прицеле. Я дал Сереге команду, максимальное внимание, возможна атака противника и очень медленно полетел вперед, думаю на записи вы все это видели. А потом, потом повеяло такой жутью, что волосы под шлемом зашевелились. Я эту тень даже не увидел, почувствовал, ну и оттолкнулся ногой от переборки, уходя с вектора атаки. Горелов не сплеховал, тут же открыл огонь.

А вот дальше началась чертовщина. Оттолкнулся я не очень удачно и меня слегка закрутило, так что эту кляксу я успел рассмотреть во всех подробностях. Изначально она была похожа на стилизованного осьминога, этакий овал, у которого с одной стороны торчит пучок коротких щупалец. А потом, эта клякса начала меняться, с безумной скоростью, будто перебирая варианты или что более вероятно считывая образы из наших голов. Искала, зараза, образ, который вызывал бы у каждого из нас максимальный страх.

Думаю, каждый видел что-то свое, хотя она могла подобрать и какой-нибудь универсальный образ, но все же думаю, что каждый видел свой личный кошмар. Сомневаюсь, что в моем отделении все настолько боятся змей. Я видел змею. Двигалась эта тварь настолько быстро, что Серега долго не мог попасть. Но наконец, он поймал нужное упреждение и пули стали попадать в цель. Не могу сказать, что о чем-то думал в тот момент. И тело, и разум были практически парализованы ужасом.

Когда Горелов стал попадать по этой твари, меня как раз провернуло так, что я боковым зрением стал видеть другой конец коридора. Уверенности у меня нет, но... Ладно, считайте меня сумасшедшим, но в открывшейся на мгновение двери я видел маленькую обезьянку, вроде мартышки, и вот от нее и отделилась вторая тварь. Дверь захлопнулась, а клякса устремилась прямиком ко мне. Сделать я ничего не мог, только наблюдать и то с трудом, психическая атака была та еще. А дальше тварь приблизилась, выпустила из своей головы отросток, который как мне показалось, пробил мою голову, ну, вот, собственно и все. Я отключился. Разве что...

– Продолжайте, – подбодрил десантника Иван, – Любая мелочь будет полезна!

– Когда я очнулся, доктор сказал мне, что я был в коме, фактически умирал и это именно вы вернули меня к жизни, – начал Ливанов.

– Вот болтушка, наш дорогой, Арсений Петрович! – поморщился Молчалин, – Все так, но давайте не будем на это отвлекаться.

– Как скажете, Капитан, – пожал плечами десантник. – В общем, вполне возможно, что это был бред умирающего или что-то подобное, но мне показалось, что я на какое-то время слился с этим гадом и вроде как подслушал его слова и эмоции. Вначале основной эмоцией

был, как бы это сказать, не страх, а такое недоверие, что ли, а потом это состояние сменилось яростной радостью. Да, наверно именно так. Яростная радость и еще удовлетворение. Вот в этот момент я и услышал голос, голос пустоты, жуткий... – Анатолий передернул плечами, – Он произнес фразу: «Защиты нет! Они сами открыли нам дорогу!». Вот собственно и все.

– Защиты нет. Они сами открыли нам дорогу, – повторил задумчиво Иван, – У вас, Анатолий Борисович, есть какие-нибудь идеи, относительно этой фразы?

– К сожалению, есть, – ответил Ливанов, – Мы уничтожили Систему, но вполне возможно, этим открыли путь им. Эта тварь не нашла во мне имплантов управления сознанием и была этим фактом очень обрадована, я думаю, что именно о них была фраза – «Защиты нет».

– Интересная версия, – сказал Молчалин и задумался, впрочем, всего на пару секунд, – Спасибо, Анатолий Борисович, вы мне очень помогли!

– Всегда, пожалуйста, Капитан! – ответил десантник и в одно движение перетек из расслабленно сидящего в положения по стойке смирно, – Разрешите идти?

– Да, идите, – хмыкнул Иван, слегка пораженный мгновенной метаморфозой произошедшей с Ливановым.

Тот четко развернулся, и плавно перетек к двери, и уже выходя, слегка обернулся и сказал:

– И вам спасибо, Капитан, жить это чертовски приятно!

После ухода десантника, Молчалин больше получаса просидел, обдумывая услышанное и сопоставляя это с ранее собранными сведениями. И надо сказать складывавшийся пазл ему совершенно не нравился. Особенно в части «Они сами открыли нам дорогу». Очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться, лучше всего с Алитой или Глебом, но они там, на Земле и в ее ближайших окрестностях, а он тут, на полпути к Марсу. Опять эта отметка, полпути. В прошлый раз все неприятности тоже начались на этой отметке.

Иван, проверил запись разговора с Ливановым, а то мало ли. С записью все было в порядке. Сделал копию и зашифровал ее альфа-кодом, после чего оригинал убрал в сейф, а копию добавил к собранным материалам. В принципе, можно было вызывать Прометей и отправляться на доклад к Булгакову, но для полноты картины, все же, следовало опросить последнего десантника. Молчалин глянул на часы, до назначенного Горелову времени оставалось больше двух часов. Но в конце-то-концов, Капитан он или погулять вышел? Иван щелкнул коммуникатором и связался с Акопенко:

– Коль, ты там уже закончил с подчиненного стружку снимать?

– С которого? – откликнулся Николай.

– А у тебя, что кроме Горелого еще кто-то проштрафился? Почему не знаю? – с наигранным гневом спросил Иван.

– Не, не! Других обалдуйев нет! Точнее есть, но не настолько, – ответил Акопенко, – Капитан, ты не мудри, ты пальцем покажи. Короче, что нужно?

– Пришли ко мне своего главного обалдуя, хочу все же с ним побеседовать, один на один, а то в конец парня засмущали, того и гляди заикаться начнет, если чего не хуже, – сказал Молчалин.

– Сейчас пришло, – последовал ответ Николая, – Слушай, Кэп, а если не секрет, если чего не хуже, это что?

– Коль, ты извини, не могу сказать, – хмыкнул Иван, – Это настолько страшно, что боюсь ты тоже того. А я не хочу лишать подразделение, такого бравого командира, как ты.

– Ясно, – протянул Акопенко, – То есть, ты не придумал, что хуже. Эх, а я уж рассчитывал поржать.

– Тебе сегодня хватит, – наставительно сказал Молчалин, – А то ты со смеха начнешь то, что твой подчиненный от смущения.

– Все понял, отключаюсь, – ответил Николай.

Иван убрал материалы доклада и сев за стол, стал ждать Горелого, заодно прикидывая как грамотнее начать и провести разговор. Впрочем, долго ждать не пришлось, через четыре минуты в дверь постучали. Иван включил запись, нажал кнопку переговорника и сказал:

– Войдите!

– Рядовой Горелов по вашему приказанию прибыл! – четко отпечатав шаг и застыв в центре кабинета, басом сообщил пришедший.

– И снова, здравствуйте! – ответил Молчалин и на автомате продолжил, – Присаживайтесь.

Встретившись с укоризненным взглядом Сергея, Капитан, Впрочем, сразу же поправился:

– Ну, или стойте, как вам удобно. Так, все, отставить! – Иван встал и подошел к десантнику, – Разговор у нас будет сугубо доверительный, поэтому давайте и я с вами постою, так сказать за компанию.

– Как скажите, Капитан, – пробасил Горелов, – Что от меня нужно?

– Мне нужно знать, что произошло на инопланетном корабле, со всеми подробностями, которые вы сможете вспомнить, – ответил Молчалин.

– А! Ну, это, – начал десантник, – Высадились мы, значит, штатно. Ребята заняли периметр, ну и, Командир, значит, с ними, тоже. Потом Толик вылетел, он в нашей паре всегда первым идет, вот. Ну, значит, а потом и я. Толик полетел вперед, я за ним. Там в центре дыра была, вроде проход. Мы подлетели, сержант туда нырнул и, это, значит, мне сразу сигнал дал. Возможно столкновение с противником. Я, это, сразу винтовку на боевое взял, чтобы, значит, если что, то сразу стрелять можно было. Вдруг, Толик, как прыгнет. А я, это, значит, сразу и открыл огонь, прикрывающей очередью, вот.

Боец замолчал, задумавшись, и уставился куда-то поверх головы Ивана. Молчание продлилось секунд пятнадцать, и когда Молчалин уже собрался выводить десантника из летаргии, Сергей вдруг продолжил:

– Странно там все было, Кэп! Не могу сказать почему, но какое-то оно все чуждое было, не строят так люди.

– Хорошо, – поддержал Горелого Иван, – Продолжайте!

– А собственно все! – пожал плечами боец, – Я вначале не видел в кого стреляю. А потом увидел. Огромная, противная мокрица. А я их с детства терпеть не могу. И вялость какая-то навалилась. Вижу, что не попадаю, а взять верный прицел не могу. Вот. Ну, я разозлился, думаю, что за нахрен, тут аж полегчало мне, сразу прицелился нормально и порвал эту мокрицу в клочья. Только ребята сегодня сказали, что я зря боеприпасы переводил, галлюцинация это была, ну, или голограмма. А потом вы, что мол, людей спас. Вот.

– А что с младшим сержантом Ливановым случилось, видели? – спросил Молчалин.

– Не, не видел, – горестно пожал плечами Горелов, – У меня винтовку заклинило. Ну, это я так подумал, потом только понял, что всю обойму расстрелял. А потом гляжу, Толя, на месте висит и не шевелится. Я так испугался, вот, значит, думаю, что же наделал то, друга лучшего убил! И тут мне так плохо стало, что хоть в петлю. Дальше не помню. Очнулся уже, это, в палате. А там доктор говорит, жив, мол, твой Ливанов, его Капитан вылечил, это, из могилы почитай достал, значит. Это, спасибо вам, Кэп, вот, за друга моего!

– Всегда, пожалуйста! – улыбнулся Иван и продолжил задавать вопросы, – Сергей, значит у вас было ощущение, как-будто вас парализовало, а потом все прошло, так?

– Ну, не знаю, – протянул десантник, – Меня, тьфу-тьфу, это, не парализовало никогда. Но, вот, ощущение, этакого оцепенения было, да. Мысли вялые, тело как, значит, ватой набили. А потом, да, прошло.

– Еще раз, – сказал Молчалин, – Прошло, когда вы разозлились?

– Ну, да, – подумав, ответил Горелов, – Я очень разозлился, и сразу полегчало, значит. Вот.

– Спасибо, Сергей, – протянул десантнику руку Иван, – Вы молодец! Все правильно сделали. Идите, вы мне очень помогли!

– А, это, ну, пойду я, – потоптавшись на месте, сказал десантник, – Еще раз, спасибо, Кэп! Действительно, я это, пойду.

– Идите-идите, – усмехнулся Молчалин, наблюдая, как явно озадаченный боец выходит из кабинета.

Иван проверил запись, снял копию и приобщил ее к докладу, как обычно, спрятав оригинал в сейф. Вот теперь можно и к Булгакову, не зря, все же, встретился с Гореловым, ох не зря! Молчалин хотел сесть в кресло, чтобы еще раз обдумать все собранные сведения, но тут над головой ожил динамик и голосом Ольшанского выдал:

– Капитана срочно в рубку! Повторяю! Капитан, срочно зайдите в рубку!

– Что случилось? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Иван, быстрым шагом входя в центр управления кораблем.

– А сами смотрите, – не оборачиваясь от экранов, ответил Михаил, – Случайно засек. Если честно, Кэп, я от нечего делать решил просканировать пространство вне плоскости эклиптики. А там вот это...

– Ничего не вижу! – раздраженно сказал Молчалин, после того как согнувшись, несколько секунд рассматривал картинки на мониторах.

– Сейчас, Иван Сергеевич, сканер это периодически на грани чувствительности засекает. Точнее даже за гранью, – ответил Ольшанский. – О! Вот опять появилось!

Теперь Иван увидел. На сканере, буквально на секунду, мелькнули какие-то точки, пока что не помеченные системой свой-чужой и считающиеся условно-нейтральными, и сразу же пропали.

– Сейчас сделаю повтор кадра, – без слов понял Капитана Михаил, – Вот, любуйтесь! Сейчас даже лучше видно, двадцать отметок!

– Что-то вытянуть из этого можно? – спросил Молчалин, – Расстояние, размер, направление, скорость?

– Пока удалось понять, только то, что объекты статичны относительно нашей системы, ну или почти статичны. Расстояние гигантское, внутри плоскости наши сканеры бы их вовсе не засекли. Про размеры вообще сказать ничего нельзя, но, наверное, не маленькие, раз мы их засекаем, – ответил пилот.

– Вот что, Миша, продолжай пока что наблюдение, собирай данные, но и в другие стороны не забывай поглядывать, – побарабанив по пульту пальцами, решил Иван. – Будет что новенькое – вызывай.

Молчалин выпрямился и собрался покинуть рубку, но его остановил возглас пилота:

– Кэп, их больше стало!

Иван чертыхнулся и вернулся обратно к пульту. На экране застыл новый снимок, и на нем было уже двадцать две отметки.

– Ой, что-то не нравится мне это, Иван Сергеевич, – сказал, вставший со своего места, Седов. Он покачал головой и добавил: – Совсем не нравится!

– Мне думаешь нравится? – дернул уголок рта Молчалин, – Так, Георгий Васильевич, организуй мне связь с Прометеем, желательнее сразу с Булгаковым и подготовь для него пакет с данными со сканеров, послушаем, что высокое начальство думает по этому поводу. Я буду у себя в кабинете, так что переводы разговор туда.

– Хорошо, сделаю, – кивнул Старпом и вернулся к своему пульту.

Но, видимо, вернуться к себе в кабинет, Ивану сегодня была не судьба. Стоило ему открыть дверь, как сзади раздался громкий возглас Ольшанского, и сразу вслед за ним по помещениям корабля понеслись тревожные переливы сирены. Молчалин буквально в два прыжка оказался в своем кресле и активировал пульт.

– Доклад! – резко бросил он, одновременно пытаясь увидеть на экранах, причину тревоги и понять, что происходит.

– Эти объекты не д-далеко! – слегка заикаясь от волнения, выдал Михаил, – Они рядом совсем! Это защита на них какая-то! Ее сканеры еле пробивают!

– Конкретнее! Время до контакта? – абсолютно спокойно задал вопрос Иван, вчитываясь в показания приборов, – Прекрати мандражировать!

– Сорри, Кэп! – встряхнулся Ольшанский, – Двадцать два объекта, идут вектором атаки, до рубежа атаки ориентировочно двадцать минут. Размер не понятен... Объекты скрывает какая-то маскировка!

– Связи нет! – вклинился Седов, – Аномалия какая-то!

– Твою..! Сам ты аномалия! – буркнул Молчалин себе под нос, после чего продолжил нормальным голосом, – Так, Жора, копируй данные со сканера, бери катер и дуй на Прометей. По дороге зайдешь в мой кабинет, там, в столе, лежит синяя папка, возьмишь с собой, передашь сам, лично, и только в руки Булгакову! Вопросы есть?

– Нет! – ответил Георгий и стал отстегиваться.

Иван щелкнул тумблером и включил общую трансляцию:

– Говорит Капитан корабля Молчалин! Боевая тревога! Возможно столкновение с превосходящими силами неизвестного противника. Экипажу занять места согласно боевому расписанию! Контакт через двадцать минут.

Буквально через двадцать секунд ожил канал связи с Минаевым и динамики голосом главного артиллериста сообщили:

– У меня все на местах! Не вижу целей. Капитан, тревога учебная что ли?

– Учебная, Гриш, учебная, – хмыкнул Иван, – Борьба с невидимым противником называется. Сейчас Миша тебе картинку сбросит, и будешь учиться, как такие цели поражать, причем сразу в боевой обстановке!

– Ух ты! Это что, все по наши души? Интересно, а они знают, что мы о них знаем? Слушай, Кэп, а может сканеры как-нибудь подстроить, а то проблематично стрелять будет, – через некоторое время со скоростью пулеметной очереди разразился фразами Григорий.

– Со сканерами – идея, остальное не знаю, – ответил Молчалин и, отключив артиллеристов, сказал, – Миша, начинай подстройку резервного сканера, вдруг действительно поможет.

На пару минут рубка погрузилась в тишину, только Ольшанский тихонько барабанил по клавишам, но тут снова ожили колонки:

– Это Седов. Все сделал, готов к старту!

– Старт разрешаю! – ответил Молчалин и нажал несколько кнопок на своем пульте.

Пару минут он провожал взглядом на экране точку катера, стремительно уносящуюся в сторону флагамена, потом шлепнул ладонью по подлокотнику и вызвал главу десанта:

– Акопенко на связи!

– В ситуацию въехал? – сразу взял быка за рога Иван.

– Да, оценил, – буркнул Акопенко, – Куча кораблей, неизвестно каких и неизвестно чьих. Летят к нам, и явно не с целью пригласить на чашечку чая или там кофея. Возможен абордаж.

– Именно так! – согласился Молчалин и задал вопрос, – Слушай, Коль, как ты думаешь, что лучше, отбиваться на нашей территории или попытаться их самих на абордаж взять?

– Кэп, при всем уважении, но ты с катушек ни съехал там, от нервного перенапряжения, – начал Николай.

– Нет, – ответил Иван, – Пока вполне здоров. Я тебе задал конкретный вопрос, изволь на него конкретно ответить!

– Ну... – промычал что-то неопределенное Акопенко.

– Баранки гну! – оборвал мычание Капитан, – Рожай бодрее!

– Хорошо, – вздохнул Николай, – Так как мы ни черта о них не знаем... В общем, лучше попытаться отбиться на нашей территории, тут шансов больше.

– Угу, – сам себе покивал Иван, – Да, ты, Коль, оптимист, как я погляжу. Значит так. Первое отделение в катер, и пусть будут готовы стартовать по моему сигналу и захватывать хоть корыто, хоть дредноут! Остальных распредели по кораблю, согласно плану контрабордажа. Да, как закончишь, сам двигай в рубку и прихвати пару винтовок для нас с Мишей.

– Есть! – без особого энтузиазма ответил Акопенко.

Молчалин откинулся в кресле, прикрыл глаза и стал барабанить пальцами, какой-то сложный мотивчик.

– Есть четкая картинка! – вывел его из задумчивости голос Михаила, – Иван Сергеевич, это мелочевка, такая же, как та тарелка, что за нами следила!

– Чудно! – приоткрыл глаза Иван, – Просто, чудесно! Подключи на этот сканер Акопенко и артиллеристов, пускай полюбуются.

Капитан вновь закрыл глаза и продолжил барабанить. Через пару минут Ольшанский не выдержал и спросил:

– Иван Сергеевич, все сделал. Что дальше?

– А что дальше? – опять приоткрыл глаза Молчалин, – Через десять минут ты передашь мне управление кораблем, и если все будет в порядке, еще через десять минут отправишься обедать и отдыхать.

– А если нет? – осторожно поинтересовался Михаил.

– Ну, а если нет, то у тебя будет прекрасная возможность потренироваться во владении штурмовой винтовкой и вполне возможно развитие этого навыка избавит тебя от необходимости учиться дышать вакуумом, – ответил Иван.

– Все шутите, Кэп? – улыбнулся Ольшанский.

– Да какие уж тут шутки, – хмыкнул Молчалин, – Сейчас Акопенко придет, запрем рубку и начнем выяснять, какие еще сюрпризы, кроме маскировки, несут в себе эти кораблики, – на пульте замигала лампочка входящего сообщения, Иван распрямился и, пару раз проведя пальцем по экрану, забубнил себе под нос: – О! Артиллеристы уже готовы! Так, а вот этого мы пометим на захват, ну, вроде бы все!

Глава 3

Сюрпризы были. Не так чтобы много, но были. И первый сюрприз заключался в том, что тарелки не подошли к рубежу эффективного огня с Аполлона, а на значительном расстоянии от него выпустили в сторону земного корабля какие-то мелкие, то ли ракеты, то ли контейнеры. Причем если бы земляне не перестроили сканер и пристально за ними не наблюдали, хрен бы заметили рой этой мелочи, заботливо прикрытый все той же маскировкой.

Сбросив свой груз, мелкие тарелки, заложили довольно широкий вираж и, похоже, решили удалиться по английски, что Молчалина совершенно не устраивало. А то, что они вообще решили так маневрировать, вызвало у Ивана закономерный вопрос, а зачем? Как-то привык он уже к гравикомпенсаторам и даже помыслить себе не мог, что можно без них обходиться, тем более, что корабли Системы тоже имели что-то подобное и без проблем гасили и набирали скорость мгновенно и без всяких виражей.

Связи не было. Несколько секунд поразмыслив, Иван решил, что отпускать незваных гостей, не самая правильная идея и бросил Аполлон в погоню. Естественно маршрут он проложил таким образом, чтобы облако чужих «подарков» осталось сильно в стороне. Тут-то и случился второй сюрприз. Облако изменило траекторию и ринулось наперерез земному кораблю. Правда скорость у него подкачала, поэтому встреча так и не состоялась.

Дальше, по большому счету, было избиение. Ракеты, скопированные на Земле с Марсианских образцов, сработали на пять баллов, уничтожив девятнадцать объектов, еще два было уничтожено главным калибром, а к последнему устремился катер с десантом. Акопенко в последний момент, все же настоял на том, чтобы лично отправиться с абордажной партией и Иван его отпустил, хотя и без всякого энтузиазма.

То ли Молчалин угадал с выбором посуды для захвата, то ли системы маскировки и глушения связи стояли на всех чужих кораблях, но связи по-прежнему не было. Само решение захватить чужака целым, было правильным, но на душе у Ивана было очень не спокойно, а отсутствие информации о происходящем в реальном времени, делало эту тревогу еще больше.

В общем, Молчалин плюнул, оставил Аполлон на Ольшанского, строго проинструктировав того, что если что пойдет не так, то взрывать вражескую тарелку без размышлений и сожалений, и, взяв второе отделение десантников, на последнем катере, рванул к чужаку. Поступок, конечно, довольно идиотский, но Иван чувствовал, что абсолютно и единственно правильный.

Лететь пришлось не долго. Уже через семь минут, Молчалин пристыковал катер к борту тарелки, буквально в десятке метров от бота Акопенко, и десантники начали резать корпус. За резак, впрочем, как всегда, встал сержант Джон Максвелл, остальные парни, аккуратно отгесив и прикрыв собой Капитана, взяли будущий проход на прицел. Первого знакомства с таким кораблем им вполне хватило, чтобы относиться к противнику, скажем так, с уважением и воспринимать его всерьез.

Наконец сержант закончил рисовать резаком окружность на корпусе чужака и присоединил к вырезанному фрагменту пневмомолот. Он поднял руку с двумя вытянутыми пальцами и нажал на кнопку пуска. Хлопок и кусок корпуса унесся куда-то вглубь тарелки. Пробитый проход, совершенно неожиданно для Ивана, оказался на потолке. Внутри было светло, на стенах находились длинные светильники, дававшие мягкий, слегка желтоватый свет. Десантники как горох посыпались из катера, тут же занимая свои места и настороженно поводя стволами. Но коридор, в котором они очутились, был абсолютно пуст.

Молчалин тоже выбрался наружу, втайне надеясь, что не выглядит на фоне ребят, как мешок с..., ну, скажем, картошкой. Хорошо, хоть ускорители не стал включать, и в результате, просто, мягко опустился на пол. На чужом корабле наличествовала гравитация, вот только направлена была странно, к центру тарелки, что при взгляде вдоль коридора вызывало чувство

близкого горизонта и вызывало странные ощущения. Впрочем, долго размышлять на эту тему, у Ивана не было времени, ощущение, что нужно спешить, иначе произойдет что-то непоправимое, усиливалось с каждой секундой.

Пока Молчалин десантировался, осматривался и тупил, сержант Максвелл видимо осознал, что с таким командиром, надеяться на быстрые и четкие приказы совершенно не придется и начал командовать сам. Семенов и Шмидт, грамотно прикрывая друг друга, умчались проверять катер Акопенко, пару Ливанова он усрал в другую сторону, искать проход во внутренние помещения, а сам с Исиговой остался охранять откровенно тормозящего Капитана. Первая пара вернулась очень быстро и сообщила, что первого отделения в катере нет, равно как и каких-нибудь следов боестолкновения.

Между тем пассивность Молчалина имела простое объяснение. Иван буквально печенкой почувствовал, что ему срочно необходимо уйти в измененное состояние сознания и, секунду поколебавшись, не стал этому предчувствию сопротивляться. А войдя в состояние, он по какому-то наитию, даже не предполагая, что такое вообще возможно, практически остановил время. Остановил он его, естественно, только для своего восприятия, для физического тела ничего не изменилось, но для работы в состоянии «единения со вселенной» физическое тело было не особо-то и нужно.

Не успел Молчалин, как следует освоиться в странно замедлившемся мире, как началось. Прямо сквозь стены к людям устремилось полтора десятка темных сгустков. То ли в этот раз они не сочли нужным пугать людей, то ли на Ивана в его состоянии, это вообще не действовало, но для него чужие так и оставались сгустками тьмы, отдаленно напоминающими стилизованных осьминогов. Выглядели они довольно прикольно, вот, если бы еще не их жутковатые способности, то просто милашки-мультишки какие-то.

Второе отделение очередной раз доказало, что оно лучшее подразделение десанта на Аполлоне, а может даже и среди всех десантных сил Космофлота. Парни успели среагировать на внезапную атаку и открыли ураганный огонь. Будь осьминогов столько же, сколько и людей, вполне возможно, что десантники отбились бы самостоятельно, но потеря пяти особей ни в малейшей мере не охладила пыл оставшегося десятка. И тут в дело вступил Молчалин.

На сей раз он не стал изощряться, пытаясь создать скальпель или другой образ колюще-режущего предмета. Опыт борьбы со сгустком тьмы, поселившемся в Ливанове, ясно показал, что в данном случае, важна только сила. Иван создал образ руки, напитал его, всей доступной ему энергией, и, схватив ближайшего осьминожка, сжал его в кулаке. Расход сил оказался не так уж и велик, но и маленьким назвать его язык бы не повернулся. Прикинув, что на оставшихся чужих его сил должно вполне хватить, Молчалин сформировал вторую руку и ухватил уже двух существ, усилие, секундное сопротивление и обе кляксы растаяли, оставив после себя лишь неяркие вспышки света.

Если бы не замедление течения времени, то Иван при всем желании не успел бы расправиться со всеми темными осьминогами, да он и в состоянии замедления не успел. Восемь существ были им передавлены, но еще одно очутилось в опасной близости к Максвеллу, про десятую тварь Молчалин и вовсе забыл, выпустив ее из поля зрения. И вот когда Иван был готов закончить это эпическое сражение «голыми руками» и придушить последнюю кляксу, что-то коснулось его спины. Точнее, ему в начале показалось, что именно коснулось, а чуть позже он почувствовал уже не касание, а удар кузнечным молотом, причем в роли наковальни, собственно, его спина и выступила.

От этого удара Иван улетел вдоль коридора, еще в полете чувствуя, как силы стремительно покидают как тело, так и сознание. Все на что его хватило, это увидеть, как бы со стороны, что именно с ним приключилось. На его спине сидел осьминог, уже на четверть погружившийся в тело, воткнув в него все свои щупальца и потихоньку проникая все глубже. Образы

рук, которыми Молчалин попытался сбросить тварь, лишь бессильно соскользнули с раздувшихся боков чужого и Иван стал проваливаться в черное беспмятство.

Когда сознание его уже практически покинуло, раздались выстрелы и, вдруг, стало легче. Молчалина хорошо приложило об пол тарелки, выкинуло в реальность, крайне уставшего, но вроде бы, вполне живого. Все произошло настолько быстро, что Иван потерялся во времени и пространстве и предпочел несколько секунд полежать, набираясь сил и собирая в кучу осколки сознания. Но спустя несколько секунд его как котенка дернули за шиворот и поставили на ноги. Причем, так, что он оказался лицом к лицу со взволнованными Ливановым и Гореловым.

– С вами все в порядке, Кэп? – ощупывая его лицо настороженным взглядом, спросил Анатолий.

Молчалин попытался ответить, но лишь что-то просипел и закашлялся.

– Опустите голову, там сосок с соком, – хмыкнул Сергей и отвернулся, выглядывая, нет ли еще какой опасности.

Иван последовал совету десантника, уже очередной раз за сегодня наругав себя за то, что, будучи плохо знаком с десантным снаряжением, полез на чужой корабль в этой броне, а не в обычном пилотском скафандре. Сок живительной волной прокатился по горлу, и Капитан вновь обрел дар речи:

– Спасибо, парни. Все нормально, во всяком случае, вполне терпимо – он сделал паузу и перевел дух, – Что произошло? Я так понимаю, что эта тварь на меня набросилась?

– Абсолютно точно, Кэп! – ухмыльнулся Ливанов, – Но у Сереги, сегодня, просто феноменальная реакция и меткость. Очередь в три патрона и чужого как не бывало. Мы боялись, что и вас пулями задело.

– Обошлось, – тоже улыбнулся Молчалин, – Еще раз спасибо, как остальные?

– Все в норме. Скоро сюда подойдут, Толя проход внутрь нашел, – не оборачиваясь, сообщил Горелов.

Не успел Сергей договорить, как появились оставшиеся десантники, как обычно передвигаясь парами, настороженно поводя стволами винтовок. Иван осмотрел найденный Ливановым проход и четко осознал, что создавался он не для людей и уж точно не для людей в тяжелой десантной броне. У него были серьезные сомнения, что и в легком пилотском скафандре он смог бы протиснуться в это отверстие. Тут к нему присоединился сержант Максвелл, с несколько виноватым выражением лица, тоже осмотрел колодец и видимо пришел к схожим выводам.

– Кэп, мы тут не пролезем, – он пожал плечами, – Либо ищем другой проход, либо расширяем этот.

Если бы Иван в этот момент внимательно не наблюдал за сержантом, то точно не заметил бы тени, словно бы пробежавшей по его лицу. Да, надо сказать и заметив ее, не придал этому серьезного значения, лишь автоматически отметил это событие.

– А вы как полагаете, что лучше? – поинтересовался Молчалин.

– Кэп, уж простите за прямоту, но лучшим решением было бы смотаться отсюда и чем быстрее, тем лучше! – прямо глядя в глаза Капитану сообщил Максвелл.

– Я учту ваше мнение, – холодно ответил Иван, – Но вы не ответили на мой вопрос.

– А шли бы вы к чертям, Кэп, с вашим вопросом, – нагло ухмыльнулся сержант и, развернувшись к опешившему Молчалину спиной, обратился к десанникам, – Парни, пора сваливать отсюда, иначе здесь и останемся.

Десантники сначала вылупились на своего командира, а потом начали неуверенно переглядываться. А у Ивана, словно пелена с глаз упала. Он отчетливо вспомнил, что не успел раздавить того осьминога, что подобрался к сержанту. Еще не очень понимая, что собирается делать, он начал соскальзывать в измененное состояние и заорал:

– Ливанов, скрутите сержанта!

Как ни странно, но на приказ отреагировали оба знакомых десантника. Горелов находился ближе и тут же с места прыгнул на сержанта. Вот только Максвелл совершенно не собирався становиться скрученным. Одним неувимым движением он сбил Сергея с ног и, вдавив по тому, как по футбольному мячу, отправил десантника в ноги подбегающему товарищу. Однако Ливанов, каким-то гибким кошачьим прыжком избежал столкновения и прикладом штурмовой винтовки со всей дури засадил противнику по шлему.

То ли шлем так качественно амортизировал воздействие, то ли голова у сержанта от природы была очень крепкой, но цели удар Анатолия не достиг. Максвелл лишь по-бычьему тряхнул башкой и в свою очередь так двинул Ливанову, что десантника практически впечатало во внешнюю стену коридора. Однако, этих секунд хватило Молчалину на то, чтобы просканировать сержанта и обнаружить темную тварь, видимо взявшую того под свой контроль. Раздумывать было некогда и Иван, схватил это чуждое своими сформированными иллюзорными руками, рывком выдрал из тела Максвелла и сжал в кулаке.

Сгусток тьмы, вспыхнул и исчез, а сержант рухнул как подкошенный. Молчалин, не выходя в обычное состояние, проверил состояние десантников. Ливанов отделался парой ушибов и уже был в норме, Сергею явно досталось круче, пара ребер была сломана, и парень не спешил приходить в сознание. Хуже всего обстояли дела у сержанта Джона Максвелла. Действия Ивана хоть и освободили его от паразита, но были настолько грубы, что командир отделения оказался в энергетической коме. Молчалин наскоро влил в сержанта немного энергии, и понял, что все. Сил больше не осталось. Иван покачнулся, колени подогнулись, а сознание отключилось.

Упал Молчалин крайне неудачно, головой прямо в шахту, причем скафандр в этой шахте наглухо заклинило. Так что десанникам, волей-неволей, все же пришлось, на свой страх и риск, расширять проход, чтобы достать Капитана, который счастливо пропустил все это приключение, находясь в отключке. Какими уж при этом они поминали его словами, осталось неизвестно, так как делали они это исключительно про себя, а их лица, согласно записи, несли на себе выражение исключительной сосредоточенности и крайней серьезности.

Очнулся Иван с ощущением жуткого похмелья, головной болью и мыслью, что лучше бы он сдох вчера. Рядом, стоя на колене, застыл Исигава, чуть в стороне, на полу лежал сержант, стянутый веревкой на манер кокона бабочки, а сам Молчалин полусидел, прислоненный к внешней стене. Заботливые десантники даже положили ему на колени его винтовку, которую он благополучно умудрился забыть в катере. Из-за этой оплошности Ивану стало очень неудобно, но тут он вспомнил, что он Капитан, а начальство, как известно, никогда не ошибается и ничего не забывает.

Остальных десантников в поле зрения не наблюдалось. Молчалин глотнул сока, помотал головой, пытаясь разогнать дурноту и используя винтовку как костыль, встал. Силы возвращались довольно быстро, что не могло не радовать. Исигава уловил, что Капитан, наконец-то, пришел в себя и, не оборачиваясь, сообщил:

– Парни пошли вниз искать первое отделение. Пока все тихо, внутренняя связь работает.

– Спасибо, – на автомате поблагодарил Иван и тут откуда-то снизу раздались звуки перестрелки.

Незнание устройства десантной брони, очередной раз сыграло с Молчалиным злую шутку. Пока он пытался выйти на общую волну второго отделения, Исигава, поняв затруднение Капитана и смерив того ироничным взглядом раскосых глаз, отрапортовал:

– Первая пара атакована. Потерь нет. Отступает. Предположительно противником выступают бойцы первого отделения.

И эдак выжидательно уставился на Ивана. Молчалин, отчаявшись разобраться в устройстве этой идиотской брони и включить нужный канал, плюнул и решил играть роль большого начальника:

– Передавайте! Пускай отступают, противника по возможности щадить, они находятся под контролем чужих, – он помолчал, наблюдая как глаза американца японского происхождения постепенно меняют размер, приближаясь к среднеевропейскому размеру. Иван хмыкнул и продолжил, – Веди к нашим, ничего с сержантом не случится.

Десантник как-то странно глянул на Молчалина, бросил взгляд на спеленутого Максвелла, но, тем не менее, вскочил и направился к довольно не аккуратной дыре в полу, появившейся на месте аккуратного колодца, предусмотренного изначальным проектом чужого корабля. Рядом с проходом Исигава на мгновение притормозил, после чего нырнул в него, почему-то головой вперед. Иван чуть ускорился, чтобы успеть увидеть, к чему приведет этот акробатический этюд в исполнении десантника. Ну что можно сказать, это было красиво.

В полете Исигава немного ускорил падение с помощью ускорителей, как-то хитро извернулся и у самого пола резко затормозив, ушел в перекат, на конечном этапе этой эволюции застыв настороженной статуей в готовности ведения огня с колена. Молчалин слегка повел головой, отдавая должное подготовке и умениям бойца, но естественно не стал пытаться повторить столь эффектное приземление, по-простому спрыгнув в дыру ногами вперед. Еще лишь шагнув в шахту, Иван понял насколько же ему мешает эта дурацкая винтовка и попытался забросить ее на плечо.

Вот только диаметр шахты оказался несколько уже, чем длина оружия, в результате чего, винтовку намертво заклинило в неровностях расширенного десантниками прохода, и Молчалин чуть было не повис на ней, как обезьяна на ветке баобаба. Буквально долю секунды поборовшись с самим собой, за обладание этим смертоносным девайсом, Иван решил, что, на самом деле, штурмовая винтовка это последняя вещь, которая сможет помочь ему в дальнейшем продвижении по чужому кораблю и с чистой совестью выпустил ее из рук, мягко опустившись на палубу нижнего этажа под действием искусственной гравитации.

Исигава не выразил особого удивления, обнаружив, что Капитан, вновь собрался вступить в бой буквально с голыми руками, лишь неодобрительно цыкнул и, вскочив на ноги, двинулся по коридору в направлении уже хорошо слышимых выстрелов. На этом уровне угол изгиба пола был еще круче, что при движении создавало ощущение вечного подъема на горный перевал. Добраться до ведущих бой десантников они не успели. Сначала Исигава притормозил, странно поводя головой и словно бы прислушиваясь, а потом резко бросился Молчалину в ноги принуждая того к падению.

Это оказалось крайне своевременно. Стоило Ивану рухнуть на пол, как в том месте, где еще мгновение назад находилась его голова, пронесся целый рой пуль. Исигава тихо матерясь на изошренной смеси английского, русского и японского, одним прыжком переместился на три метра в сторону нападавших и открыл огонь скупыми очередями. А вот Молчалин, уже в который раз за сегодняшний день, обругав себя последними словами, принял более достойную Капитанского статуса позу, перевернувшись со спины на живот. Нет, ну это уметь нужно! Вот какого хрена, он передвигался по чужому кораблю, буквально прогулочным шагом, и главное, не используя свои способности?

Иван соскользнул в состояние «единения со вселенной» и сам поразился на сколько же легко это у него последнее время получается. Уже привычно замедлил время и попытался заглянуть сознанием за изгиб пола. Заглянул и осознал, что способен охватить этим зрением весь корабль, а может быть, и всю вселенную. Молчалин аж задохнулся от открывшейся перспективы и новых возможностей, ну, а как следствие, наконец-то понял, почему Грустинин называл это состояние – состоянием всемогущества.

Действительно в данный конкретный момент Иван мог все! Правда, продлилось состояние эйфории не долго, что собственно и к лучшему, в конце концов, вокруг пули свистят, а они, как известно, особы не шибко умные. Да и вообще, пора заканчивать со всеми этими перестрелками и героическим штурмом чужого корабля. Молчалин сократил объем своего сверхвидения до размеров корабля, обнаружил семерых десантников из первой абордажной партии, вскользь удивился тому, что только пятеро из них находятся под контролем, а двое валяются в состоянии комы, кроме людей увидел еще двоих странных существ ярусом ниже и занялся наведением порядка.

Трезво оценив свои силы, Иван не стал пытаться уничтожить осьминогов оседлавших десантников. По какому-то наитию, с которым у него сегодня все было более чем в порядке, он погрузил людей в глубокий сон. Кляксы какое-то время подергались, пытались заставить своих жертв исполнять приказы, но вскоре тоже успокоились и затихли. Зато тут же активизировались те неизвестные существа внизу, как Молчалин ни приглядывался, их будто бы окружала какая-то пелена, так что как выглядят хозяева чужого корабля, Ивану разглядеть не удалось. Он стал прощупывать эту пелену, пытались подобрать к ней ключик, и тут сиреной взвыло чувство опасности и пришло ясное понимание, что энергетическая установка корабля введена в режим самоуничтожения, и помешать этому он уже никак не в силах.

Молчалина выкинуло в обычное состояние, он стал подниматься и обнаружил, что второе отделение и не думало прекращать огонь. Бойцы продолжали не прицельно стрелять куда-то в сторону уже не существующего противника и медленно отступали, постоянно перекатами и перебежками перемещаясь по коридору. Сначала Молчалин собирался все же найти эту злополучную волну общей связи второго отделения, но после нескольких попыток, подгоняемый приближающимся взрывом энергоустановки, прекратил бесплодные попытки и просто подошел к Исигаве и, подняв донельзя изумленного этим фактом десантника на ноги, заорал:

– Прекратить переводить боеприпасы! Все противники погружены в сон, а вот тарелка скоро взорвется! Ноги в руки, собрать бойцов первого отделения и срочная эвакуация!

Нужно отдать Исигаве должное, он не стал крутить пальцем у виска, пререкаться со старшим по званию или еще каким-нибудь образом выражать свое недоумение по поводу странных утверждений и действий Капитана. Он встряхнулся и задал один вопрос:

– Когда взрыв?

– Семь минут, – так же лаконично ответил Иван и побежал, а точнее длинными прыжками стал перемещаться к тому месту, где лежали спящие десантники.

Как Исигава объяснялся с остальными бойцами, история умалчивает, но через минуту, когда Молчалин притащил к шахте на верхний уровень обоих десантников из первого отделения, что зашли группе с тыла, появились Семенов и Шмидт, тащившие на себе еще двоих спящих. Иван кратко проинструктировал их, где лежат тела тех, кто впал в кому и отправил десантников спасать товарищей, а сам попытался подняться на верх еще и прихватив с собой спящего Акопенко. Ага, щаз!

Проход и так был, скажем так, узковат, так что влезть в него, удерживая скафандр с другим человеком, нечего было даже и думать, а ко всему, шахта аккурат посередине была перегородена наглухо заклиненной в ней штурмовой винтовкой. Пока Молчалин прикидывал, что делать, примчался Исигава с еще одним соней, перекинутым через плечо, с одного взгляда оценил ситуацию, неодобрительно покачал головой, и, сбросив тело на пол, дал очередь вверх. Пока обломки испорченного оружия плавно опускались на палубу, десантник, добыв откуда-то веревку, уже деловито накидывал на шею одного из спящих самую настоящую петлю-удавку. Иван просто обалдел от подобного действия, но сказать, а тем более предпринять что-либо для спасения бойца не успел. Потомок самураев, не отрываясь от своего черного дела, прокомментировал:

– На шее броня крепкая, никакой веревкой не пережмешь, а поднимать так удобнее всего, хотя можно и ногами вперед, но русские говорят, примета плохая.

Затянув узел, Исигава подпрыгнул и, включив ускорители, влетел в шахту, таща за собой веревку. Молчалину ничего не оставалось, как приподнять «висельника» и помочь десантнику втянуть тело наверх. Практически сразу петля, уже пустая, прилетела обратно и уже сам Иван примерил на себя роль палача, натянув удавку на следующего спящего. К тому моменту как они с Исигавой подняли четвертого десантника, наконец, вернулись Семенов и Шмидт, притащившие с собой еще двоих спящих. Они не выказали по поводу способа транспортировки никаких сомнений, чем признаться сняли с души Молчалина небольшой камень, и тут же включились в процесс подъема, отодвинув от этого дела Капитана, чему тот был только рад.

Вскоре все спящее первое отделение оказалось на верхнем ярусе, туда же поднялись и «грузчики-стропальщики» из второго, а вот пары Ливанова все не было. Иван поинтересовался у своего бессменного связиста, где носит бойцов, на что получил неожиданный ответ:

– Пошли вниз, ловить обезьяну. Про время знают, скоро вернуться.

– Идиоты, – в сердцах себе под нос проронил Молчалин и скомандовал, – Хватаем ребят и прыжками в катер! Максвелла не забудьте! – добавил он и, подхватив двоих, поскакал по коридору.

Первый катер с полной загрузкой стартовал за минуту до взрыва. Иван ждал до последнего, и когда за пятнадцать секунд до момента прихода полярного лиса, в катер запрыгнул Ливанов, прижимавший к груди слабо трепыхающийся сверток, напоминавший что-то среднее между египетской мумией и куколкой шелкопряда, а вслед за ним и Горелов, тут же принявшийся задраивать люк, Молчалин стартовал, рванув челнок с какой-то просто запредельной перегрузкой, при этом многоэтажно матеря десантников всеми когда-либо слышанными им ругательствами, причем по ходу дела еще и изобрел самостоятельно пару-другую.

Тарелку разнесло в пыль, заодно снеся с обшивки катера все навесное оборудования и антенны. Но сам корпус выдержал, и Иван повел катер назад к родному кораблю, ориентируясь исключительно на собственное чутье и удачу. Чутье не подвело, и вскоре они добрались до заботливо открытого шлюза Аполлона. Иван поставил челнок на посадочные опоры, и устало откинулся в кресле. Сил не было даже на то, чтобы протянуть руку, щелкнуть тумблером, запустив автоматику, открывавшую заднюю дверь и опускающую грузовую аппарель.

Видимо Молчалин все же задремал. Во всяком случае, из ступора его вывели удары по корпусу катера и похлопывание по плечу. Стучавший явно пытался не просто привлечь к себе внимание, во всяком случае, в том ритме, который отстукивали по броне, Иван уловил, что-то смутно-знакомое, еще из кадетской школы. Мозг вяло реагировал на раздражители, но, наконец, какой-то нейрон замкнуло с другим и его посетило озарение, удары сложились в осмысленную передачу азбукой Морзе:

– Откройте двери, иначе будем вынуждены вскрыть катер.

– Вот, блин, неугомонные! – пробурчал Молчалин и наконец, нажал кнопку разблокировки и щелкнул тумблером открытия дверей.

Тут до него дошло, что раздражителей вырвавших его из дремы было два, Иван повернул голову и обнаружил очень виноватую морду Сергея Горелова. В другой ситуации это, несомненно, было бы лицо, но всколыхнувшееся в душе раздражение на эту сладкую десантную парочку, окрасило все, что их касалось в непередаваемые с применением цензуры эпитеты, где слово морда было самым нейтральным и приличным.

– Чё надо? – поинтересовался у морды Молчалин.

– Я это, ну, вы, это, как? – выдал Сергей и соорудил еще более виноватую, но при этом умильную мордашку, на которую было совершенно невозможно сердиться.

– Офигительно! – хмыкнул Иван, – Снаружи давно стучат?

– Так это, ну, минут пятнадцать, – ответил Горелов, – Только они, это, не просто так стучат. Это они по Морзе спрашивают. Я им ответил, что, ну, это, мол, Капитан отдыхает, харе долбать, но они не унимаются. Вот я и, это, подошел узнать, значит, все ли в порядке, вот.

– Понятно, – улыбнулся Молчалин, – Что это за сверток Ливанов притащил?

– Ну, так, это, поймали мы, значит, обезьянку его! – гордо осклабился Сергей, – В самый центр тарелки спустились. Ну, их там, вообще-то, две было. Серенькие такие. Но у одной, это, пукалка какая-то была. Так что, только вторую захватить смогли, вот.

– Так вы что, кого-то из экипажа захватили? – удивился Иван.

– Да, не, – успокоил его Горелов, – Из экипажа, там никого не было, только обезьянки.

Тут аппарель, наконец, опустилась, грузовой люк распахнулся, и в него ворвались двое вооруженных десантников из тех, что оставались на Аполлоне.

– Всем оставаться на местах, и никто не пострадает! – с ходу заявил один из них, а второй просто навел винтовку на Горелого.

– О! Раз вы уже здесь, докладывайте о состоянии корабля и экипажа за время моего отсутствия! – развернувшись вместе с креслом, спросил Молчалин.

– Капитан! С вами все в порядке? – спросил первый десантник, а второй неуверенно опустил ствол винтовки.

– Со мной, да! Просто немного устал, – улыбнулся Иван, – Докладывайте!

– За время вашего отсутствия происшествий не было! – встав по стойке смирно, отпартовал десантник.

– Это радует! – еще шире улыбнулся Молчалин, – Первый челнок прибыл благополучно?

– Да. Санитарная обработка произведена. Раненные помещены в лазарет, остальные отдыхают! – ответил боец.

– Отлично! Вы свободны. И еще, выставьте пост и никого сюда не пускайте. Я еще здесь не закончил, – Иван проводил взглядом растерянных десантников, развернулся к Ливанову и продолжил: – А вот теперь побеседуем с вами, любезнейший Анатолий Борисович. И надеюсь, ваш рассказ будет настолько интересен и содержателен, что мне не придется отправить вас с напарником на гауптвахту до конца полета.

– А у нас, это, еще и гауптвахта есть? – неподдельно удивился Сергей, вытаращившись на Капитана, – А я и не знал.

Ливанов же вскочил на ноги, продолжая одной рукой придерживать сверток и выдал:

– Разрешите обратиться!

– Только этого и жду, – буркнул Молчалин, – Обращайтесь!

– В результате проведенной несогласованной операции, – бодро начал Анатолий, – Произведен захват члена экипажа вражеского корабля, захвачено оружие и снаряжение противника, произведена видео и фотосъемка рубки и агрегатов машинного отделения. Младший сержант Ливанов, доклад закончил.

– Ну, чисто орел! – съерничал Иван и даже пару раз стукнул бронерукавицами, изображая аплодисменты, после чего поинтересовался: – Ты, какого черта, туда полез? Да еще и подчиненного потянул? Да еще и без разрешения?

– Нужно было разобраться, – обычным голосом ответил Ливанов, – Мне с того первого десанта покоя не давало, действительно я что-то видел или нет. А еще с теми словами ясность нужна, ну вы помните. Я увидел шанс и решил им воспользоваться. Готов понести заслуженное наказание.

– Готов он, видите ли, – пробурчал Молчанов и продолжил, – Да мы все из-за твоего разбирательства чуть там не остались!

– Если честно, я уже не рассчитывал, что катер нас ждет, – пожал плечами десантник, – Слишком задержались, собирая всякую мелочь. В общем, виноват! Больше не повторится!

– Ага, верю, – хмыкнул Иван, – Значит так. Разбираться с вашими трофеями будем завтра. Акопенко в лазарете и пока я его не приведу в чувства, будете исполнять его обязанности. Организуйте парный пост в медблоке, используйте для этого бойцов из вашего отделения, третий бокс пускай переоборудуют под камеру, будете там держать вашего пленника, пока у меня до него руки не дойдут. Что еще. В общем, так, если я сам сохранию место Капитана, после наших с вами художеств, то считайте, что ваши объяснения меня устроили. В качестве наказания, как я уже сказал, принимаете временное командование над всем десантом. Вопросы есть?

– Ага, – тут же откликнулся Горелов и эмоционально продолжил глядя на Ивана, – Это, значит, как же так-то? Если сохраните место? Не! Вас снимать нельзя! Нельзя так! Вот, я так думаю!

– Я передам ваше мнение руководителю экспедиции, – усмехнулся Молчалин.

– Вот это правильно! И передайте! Нельзя, мол, так! – повеселел Сергей.

– Кстати, как на этой вашей дурацкой броне, каналы связи переключать? Замучался уже! Вот меняю настройку, а частота та же остается, ничего не меняется, – пожаловался Иван и показал, что именно он делал.

– А, ну, это просто! – расплылся в улыбки Горелов, – Это вы, Кэп, настройки микроклимата и обдува меняли, а блок связи, он на правой руке. Это, значит, чтобы оружие из рук не выпускать, сделано. Сначала неудобно, но со временем привыкаешь. А про броню вы, это, зря так. Она у нас хорошая, вот!

– Твою налево! – чертыхнулся Молчалин, – То-то я думаю, чего в этой скорлупе то жарко, то холодно. Спасибо, Сергей! – Иван потыкал в клавиши настройки рации и вышел на канал Ольшанского, – Миш, привет! Я тут временно повысил Ливанова до командира десанта и дал ему поручения по раненым и пленным, проследи, чтобы его все, кто должен услышали и сделали так, как он скажет.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич, – донеслось из динамика, – Прослежу. Как у вас все прошло?

– Более-менее, Миш, более-менее, – ответил Иван, – Я сейчас отдохну, хотя бы часов пять-шесть, а то выложился полностью. Да, Седов вернулся?

– Пока нет, – сообщил Ольшанский, – Связь наладилась, но на Прометее какой-то аврал устроили, так что пока ни с кем, кроме связистов не общался, передать что-то?

– Да, – секунду подумав, сказал Молчалин, – Передай для Булгакова, атака отражена, попытка abordaжа не удалась, потерь нет.

– И все? – удивился Михаил.

– И все! – улыбнулся Иван, – Короче, покомандуй еще несколько часов, пока я не оклемаюсь. Я тебе потом выходной дам, через какое-то время, скажем, когда на Землю вернемся. Конец связи!

– Ну, ладно, – откликнулся со вздохом Ольшанский, – Конец связи.

– Все, парни, вперед и с песнями! Да, и не забудьте провести полную дезинфекцию катера и снаряжения, – сказал Молчалин и молодецки зевнул, – Мало ли, что мы с этой тарелки привезли. Все инструкции у вас есть, выполняйте, а я пошел!

– Есть! – гаркнули в один голос десантники.

Иван спустился по аппарели и направился в кабину дезинфекции и санитарной обработки, очень хотелось лечь, голова с каждым шагом становилась все больше похожей на полое чугунное ядро, в котором вяло, каталась мысль: «Вот, интересно, а почему я ничего не передал начальству по поводу пленника? Может доложить? Ай, да хрен с ними со всеми, и с начальством и с пленным, завтра сообщу!».

Глава 4

Этот безумный день все никак не желал заканчиваться. Поспать Молчалину все же удалось, но отнюдь не пять-шесть часов, как он рассчитывал, а чуть больше двух, но и на этом, как говорится, спасибо. В половине седьмого его поднял Кочетов.

– Да, Арсений Петрович, – отчаянно пытаюсь проснуться, произнес в коммуникатор Иван.

– Иван Сергеевич! У нас ЧП! Я буквально не знаю, что делать! – заголосил главный врач Аполлона.

– Успокойтесь! – рявкнул, разом сбросивший сонную одурь Молчалин, – Что конкретно произошло?

– Часть раненых проснулась и затеяла драку с охраной! – немного успокоившись, сообщил Кочетов.

– И что? – тупо спросил Иван.

– Так они побеждают, а транквилизаторы их не берут, – совсем поникшим голосом сказал доктор, – Совсем не берут, словно они и не люди вовсе.

– Твою мать! – выдал Молчалин, уже вскочив с койки, про себя отметив, что сегодня подозрительно часто ругается, так и привыкнуть не долго. – Вызывайте в помощь всех свободных десантников. Я сейчас буду!

Иван порадовался, что из-за усталости не стал перед сном снимать комбинезон, лишь чуть распустил его. Вскочив в ботинки и застегиваясь на ходу, он понесся в сторону медблока. Десантники, к счастью, его опередили. К моменту прибытия Капитана в коридоре шла впечатляющая драка. Четверо бойцов первого отделения, руководимые Акопенко, несмотря на избитые в кровь лица довольно успешно справлялись с десятком подоспевших десантников. На полу валялось несколько тел, судя по белому комбинезону, досталось и кому-то из врачей. Молчалин остановился, пытаясь оценить обстановку, и понять, что же именно нужно предпринять в первую очередь, но тут кто-то из одержимых его увидел. Секунда и вся пятерка ринулась к нему.

Иван не то чтобы испугался, скорее, напрягся, и в первую очередь из-за того, что одержимые явно выделили его из толпы людей. Времени было мало, между ним и бойцами первого отделения было всего двое десантников и рассчитывать, что они долго смогут сдерживать потерявших свободу воли людей, особо не приходилось. Молчалин попытался соскользнуть в измененное сознание, но не тут-то было. Его будто бы что-то сдерживало, не пускало и выталкивало. Вторая и третья попытка так же не увенчались успехом. А между тем один из десантников уже был сбит с ног, а у второго был рассечен лоб и сломан нос. На ногах он еще стоял и даже пытался отмахиваться, но было понятно, что это ненадолго. Нужно было бежать, вот только у Ивана будто бы ноги к полу приросли, а кулаки непроизвольно сжались.

Скорее всего, в этом коридоре, вполне бесславно, а может и со славой, и закончилась бы жизнь двадцати однолетнего Капитана Аполлона, но на его счастье подоспел Исигава. В нарушение устава, Кэtsу, был вооружен. Не впадая в рефлексии и раздумья, американский японец, упал на одно колено и длинной очередью по ногам положил всех, кто был в коридоре. Двое десантников, вовремя не среагировавших на его появление, теперь катались по полу, держась за простреленные ноги, громко и матерно жалуясь на несправедливость службы, да и жизни в целом, равно как обещали сделать с Исигавой все, в том числе и то, что Содома не делала с Гоморрой.

В отличие от десантников, одержимые и не думали отступать от намеченной цели, продолжая ползти к Молчалину на руках, с явно не дружескими намерениями. Но и Исигава отнюдь не закончил ведение огня. Теперь он стрелял уже из положения стоя и вполне при-

цельно, сериями по два выстрела. Два хлопка и Акопенко, ползший первым, получив по пуле в плечи, лишь бессильно скрипит зубами и ворочается на залитом кровью полу. Десять выстрелов и все одержимые обезврежены, а Кэтсу Исигава поворачивается к Ивану, и, протягивая ему винтовку на вытянутых руках, низко кланяется и произносит:

– Прошу судить меня за нарушение устава. Мне нет оправданий!

И вот тут у Молчалина началась истерика.

Впрочем, долго поистерить ему не удалось. Кэтсу, разогнулся, оглядел Капитана своими узкими глазами, цыкнул зубом и без затей съездил Молчалину по роже, после чего вновь согнулся в поклоне и повторил все ту же фразу:

– Прошу судить меня за нарушение устава. Мне нет оправданий!

Пришедший в себя Иван, потирая саднящую челюсть, обматерил десантника, потом поблагодарил за своевременные действия, снова обматерил и, приказав следовать за собой, двинулся в медблок. Разгром там царил жуткий. На полу лежали двое парней встретивших пробуждение одержимых первыми. Вроде бы были живы и на том спасибо. Кочетова среди тел не оказалось, ну, хоть это хорошо, остаться в такой ситуации без главного врача удовольствие ниже среднего. Молчалин вызвал рубку, вкратце обрисовал ситуацию и потребовал, чтобы буквально через минуту здесь были все, кто имеет хоть какое-то отношение к медицине.

Сам же поднял относительно целый стул, поставил к стене, сел на него и приказав Исигаве никого к нему не подпускать, попробовал соскользнуть в «единение со вселенной». Противодействие было, и еще какое! Но на сей раз, Иван был к нему готов, время не поджимало, и он буквально проломился через неизвестно откуда возникший барьер. Так сложно ему не было ни разу, даже в самый первый раз еще на Марсе. Наконец оказавшись в состоянии всемогущества, Молчалин начал что-то понимать. Первое, что он почувствовал, была словно бы серая тень, мелькнувшая и тут же скрывающаяся из его поля зрения, Иван решил, что разберется с ней позднее и начал процесс лечения.

Раньше он считал, что без непосредственного контакта с пациентом, это просто невозможно. Оказалось, он ошибался. Первым делом он остановил кровь у всех пострадавших в драке и от стрельбы Кэтсу, включая и одержимых. У Молчалина не было ни малейшего желания терять своих людей, которых, он был уверен, удастся освободить и вернуть в строй. Более сложное лечение он оставил на потом и занялся изничтожением тварей, завладевших сознанием его подчиненных.

Вначале Иван просканировал двоих десантников, что продолжали мирно спать на своих койках. Не обнаружил в них не малейших изменений по сравнению с состоянием, в котором он их оставил. Потом стал потихоньку извлекать осьминогов. Спящих, заторможенных тварей извлечь оказалось довольно легко, вот только встал вопрос, что с ними делать дальше. Естественно напрашивался самый простой выход, уничтожить. Но делать этого Молчалину очень не хотелось, грохнуть-то их дело не хитрое, а кого потом изучать? Как искать от этих муляжных ужастиков защиту? Вот, то-то и оно, что никак. И тут Ивана осенило. Признаться, идея была из разряда безумных, причем как ее осуществить он тоже не понимал, но решил, что хуже не будет и вообще, попытка не пытка.

Молчалин взял сгусток энергии, типа того, который отправлял для поддержания жизни и повышения тонуса, только объяснил этой энергии, что она будет поддерживать сон, раскатал сгусток в длинную ленту и стал заворачивать спящих осьминогов, превращая их в мумии. На удивление получилось. осьминоги спали, лента не собиралась рассыпаться и не требовала усилий на свое поддержание. В общем, Иван был удивлен и удовлетворен. Он уложил получившийся сверток у себя под ногами и немного вынырнув, спросил:

– Исигава, ты их видишь?

– Да, Капитан, – Молчалин уловил удивление в голосе японца, – Уничтожить?

– Я те уничтожу! – с улыбкой ответил Иван, – Наоборот. Головой за них отвечаешь!

– Я понял, Капитан! – может Молчалину и показалось, но, похоже, Кэтсу поклонился. Совсем осамураился, про себя хмыкнул Иван, а вроде обычный американец был.

С теми сгустками, что управляли пятеркой одержимых, оказалось значительно сложнее. Они защищались, тянули все силы из людей, которых подчинили, даже пытались огрызаться, в ответ на действия Молчалина. Ивану приходилось быть очень осторожным, чтобы случайно борясь с этими тварями не убить за одно и людей. На удаление и уничтожение первого осьминога ушло чуть ли не полчаса, да и усталость подошла к критической точке. И тогда, от полной безысходности, он попробовал вновь погрузить людей в сон. Получилось, причем очень легко и без существенных затрат оставшихся сил. Люди вырубались, а вслед за ними затихли и управляющие ими твари.

Молчалин немного отдохнул, провел что-то, напоминающее медитацию, причем так, как учили на Марсе, только не выходя в обычное состояние. Результат оказался потрясающим, хотя и занял не меньше двадцати минут. Ивана буквально окатил поток силы, от усталости не осталось и следа, да какой там усталости, его буквально переполняло энергией, вот еще чуть-чуть и через край полетится! Не поддаваясь захлестывающей его эйфории, Молчалин продолжил прерванное занятие. Вскоре еще четыре осьминога были надежно упакованы и заняли свои места у его ног. Иван не смог отказать себе в удовольствии понаблюдать за реакцией Исигавы, но был слегка разочарован. Японец воспринял происходящее как должное, сохраняя на лице каменное спокойствие, лишь слегка пододвинул ногой того осьминога, что несколько откатился от остальных.

Пользуясь тем, что силы у него было немеряно, Молчалин провел сеанс группового исцеления, хотя, похоже, несколько перестарался. У всех получивших ранения, прямо на глазах рубцевались раны, срастались кости и связки, причем уже через пять минут шрамы выглядели, как если бы им был, по крайней мере, год. Люди охали, ахали, выражая свое восхищение происходящим и одновременно недоверие. Правда, на следующий день десантники удивились еще больше, когда обнаружили, что и шрамов не осталось, но это уже другая история.

В общем, Иван опять перестарался, выложившись практически полностью, да так, что чуть со стула не упал, но Кэтсу был на чеку, и поддержал его за плечо. Когда Молчалин вынырнул в обычное состояние, то обнаружил, что медблок, буквально переполнен народом. По крайней мере, три десятка человек набились в него как селедки в бочку и кто с восхищением, а кто и с опаской, но все без исключения с любопытством на него смотрят и молчат. Иван окинул их взглядом и, широко улыбнувшись, громко сказал:

– Шоу закончено, – а потом заговорщицки подмигнул и проорал басом: – А ну, крысы корабельные, все по местам, якорь вам в задницу и фок-мачту в глотку!

При этом невозмутимый Исигава добавил эффекта, залихватски по разбойничьи свистнув.

Как ни странно, это возымело эффект, народ заулыбался, загомонил и стал вытягиваться из медблока. Сначала Молчалин собрался вызвать рубку и даже потянулся к коммуникатору, но потом обнаружил обоих нужных ему людей.

– Так! – многозначительно сказал он, – Младший Сержант Ливанов! Вы-то мне и нужны! И вас, доктор, я тоже попрошу остаться. Остальные пока свободны, с вами будем разбираться позже!

Всех не названных как ветром сдуло. Иван откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, переживая приступ слабости и дурноты. «Нет, с этим решительно нужно что-то делать» – подумал он – «Который раз выкладываюсь по полной, а потом, напоминаю дохлую медузу. А ведь этой тенью я так и не занялся и чует мое сердце, что это Жжжж было совсем неспроста». Приступ прошел, и Молчалин, открыв глаза, принялся распоряжаться:

– Для начала, Арсений Петрович, на правах хозяина, организуйте мне хотя бы пол литра воды, а лучше литр.

Он дождался поданной кружки и жадно ее выпил, а потом еще одну и еще. Самочувствие, наконец, стабилизировалось и даже уверенно поползло вверх. Иван выдохнул и начал разговор:

– Я не уверен, но, похоже, очень не простого пленника вы захватили, Анатолий Борисович. Значит, давайте по-быстрому решим дела текущие и займемся этим вопросом вплотную. Что у нас с ранеными?

– А что с ними? – сделал удивленные глаза Кочетов и развел руками, – Их нет. Полтора десятка, избитых и израненных, встали и ушли. Иван Сергеевич, вы определенно лишаете меня практики. На моем попечении остались лишь семеро спящих, но и у них я не наблюдаю никаких видимых повреждений.

– Что ж, уже не плохо, – улынулся Молчалин, – Неужели вам так хотелось их всех вылечить самостоятельно?

– Нет, но... А, ладно, вы правы. Это я чего-то разбурчался, видимо пережитый стресс! – ответил доктор. – Что я могу сделать?

– Первое, – кивнул головой Иван, – Вколите всем вашим оставшимся пациентам успокоительного, да побольше и посильнее. Боюсь в ближайшее время я не смогу уделить им внимание и разобраться в произошедшем. Теперь второе. Вот тут у нас имеются, вроде бы.., во всяком случае, на время нейтрализованные существа. Замечу, крайне опасные существа. И их нужно начать изучать. Боюсь, что лучшей кандидатуры, чем вы, у меня нет, возьметесь?

– С удовольствием! – расплылся в улыбке Кочетов.

– Отлично, – снова кивнул Молчалин, – Одного изучаете, остальных под замок. Не думаю, что их удержит обычная материальная преграда, но ведь пули их убивают? Нужно разобраться, скорее всего, подобрать какие-то условия, ну, там, параметры полей, а может и материал какой-нибудь. В общем, условия, при которых они не смогут выбраться. И еще, займитесь артефактами, которые подобрали ребята на тарелке. Нужно, наконец-таки, разобраться, что это такое и с чем его едят. Так что дерзайте, Арсений Петрович, дерзайте.

– Сделаю все, что смогу! – ответил главврач.

– Я не обижусь, даже если вы сделаете чуть больше, – улынулся Иван, – В конце концов, я ведь освободил вам кучу времени от возни с больными и ранеными. Теперь с вами, Анатолий Борисович. Организуйте охрану. Вооруженную охрану. И объясните людям, насколько все это опасно. Пускай будут готовы стрелять сразу и без раздумий.

– Все сделаю, Кэп! – ответил Ливанов, – Разрешите присутствовать при общении с пленным.

– Разрешаю, – сказал Молчалин, – На все про все даю вам час. Пойду, наконец, перекушу, а то с самого утра во рту маковой росинки не было. А вот через час будем знакомиться с вашей обезьянкой.

Иван осторожно встал, вроде бы ничего. Голова не кружится, сознание ясное, хорошо! Он повернулся к Кэтсу и произнес:

– Благодарю вас Исигава-сан, похоже, что сегодня вы спасли жизнь многим на этом корабле. Ну, а если говорить обо мне лично, то спасли ее дважды.

Исигава с достоинством поклонился и ответил:

– Это был лишь возврат долга. Вы, Капитан, также сегодня спасли множество жизней, в том числе и мою.

Молчалин хмыкнул и отправился в столовую.

Ни через час, ни через два заняться пленником не удалось. На Ивана навалились бумажные дела, которые, на самом деле, составляют львиную долю дел и обязанностей любого руководителя, в том числе и находящегося на военной службе. Пару мгновений поколебавшись, не отложить ли эту рутину на завтра, Молчалин со всей очевидностью понял, что это как раз тот случай, когда проще отдался, чем объяснить, почему нет.

В любой момент у него могли потребовать отчет о состоянии корабля, его запасов и прочее, прочее, прочее. А получить взыскание по службе из-за отсутствия какого-то дурацкого отчета, ему ну совершенно не улыбалось, и так отношения с начальством были, скажем, странными. Потратив чуть больше двух часов на составление всех необходимых документов, хорошо хоть не от руки и не в восьми экземплярах, Иван, наконец, закончил. Протер уставшие глаза, допил очередную чашку кофе и задумался, а не послать ли этого чужого куда подальше или хотя бы до завтра. Но любопытство победило.

Молчалин по четко выработанной привычке убрал все документы в сейф, заблокировал свой терминал, еще раз окинул кабинет взглядом, на предмет, не забыл ли чего и, наконец, вышел. По дороге он связался с Ливановым, выяснил все ли в порядке и предложил временному командиру десанта присоединиться к предполагаемому допросу пленного. На самом деле Иван очень слабо представлял, как именно он собирается общаться, например, если пленный знает язык, то еще туда-сюда, а если нет?

В скорости он добрался до медблока, где перед входом застыли двое десантников со штурмовыми винтовками в руках. Бойцы козырнули, Молчалин ограничился кивком. Внутри его уже ждали Ливанов и Кочетов. Доктор аж подпрыгивал, конечно, фигурально, от возбуждения и желания поделиться результатами по исследованным им артефактам, но тут появился Исигава и обломал его порыв в жесткой форме.

Ну вот, дела улажены, все в сборе, и, наконец, четверо землян были готовы войти в третий бокс. Исигава зачем-то нацепил на себя десантную броню и был вооружен, остальные подобным заморачиваться не стали. Иван, оглядев Кэтсу с ног до головы, лишь хмыкнул, но ничего говорить не стал. Ну, нравится человеку таскать на себе дополнительные полсотни килограммов, пусть таскает, может, они ему уверенности придают. И вообще, каждый сходит с ума в меру своих сил и способностей.

В камере находилось существо, напоминавшее человека, но при этом всем своим видом вызывавшее неприязнь, брезгливость и даже страх. Мелкое, ростом – метр двадцать, серое гладкое тело. Тоненькие ручки и ножки, непропорционально большая голова с огромными черными глазами на пол лица, лишенными зрачков или наоборот целиком состоящими из зрачка, слегка выпуклыми, и, казавшимися стеклянными. Рта Молчалин вообще вначале не обнаружил, так небольшое углубление внизу беззубого, лишенного подбородка лица. Нос – небольшая выпуклость и два явно выраженных отверстия – ноздри. На лице отсутствует мимика, как будто у существа вообще нет мимических мышц.

Маленькие ступни заканчивались, чем-то вроде рудиментарных лап, во всяком случае, пальцы были не выражены, и сосчитать их было невозможно. Руки имели по три пальца. Стоящий в аппозиции, в принципе ничем не отличался от человеческого, кроме отсутствия ногтевой пластины. А вот два других были массивны и вызывали ассоциацию с клешней. Полное отсутствие волосяного покрова на теле и голове, про брови и ресницы и говорить нечего. Одежды на пленнике тоже не было. Все это в купе производило отталкивающее впечатление, а еще, на уровне подсознания, Иван чувствовал исходящую от существа угрозу.

Так в молчаливом изучении прошло несколько минут.

– Очень интересное строение, – нарушил тишину Кочетов, – Особенно обращают на себя внимание глаза. Интересно у этого существа есть веки или какая-нибудь перепонка позволяющая уменьшить поток раздражения со зрительных рецепторов? Хотя возможно оно способно обходиться и вовсе без сна или наподобие земных дельфинов спит, как бы, по частям, сначала одна часть мозга, потом другая?

– К сожалению, я знаю не больше вашего, доктор, – не особо вслушиваясь в слова, ответил Молчалин, после чего обратился к существу: – Вы понимаете наш язык? Способны говорить или как-то иначе выражать и передавать свои мысли?

Серый коротышка все так же, не мигая продолжал смотреть на людей, никак не выражая своих эмоций, равно как и готовности к конструктивному диалогу. Иван несколько секунд понаблюдал за существом и обратился к Кочетову:

– Арсений Петрович, вы успели изучить предметы, которые десантники прихватили с собой с чужого корабля?

– Ну, времени у меня особо не было, но кое-что я успел, – самодовольно улыбнулся главный врач корабля, – Один из предметов это явно оружие с тепловым функциональным воздействием. По моему, крайнему мнению, не представляет особого интереса для нашей современной науки и поэтому я рискну пред...

– Это, несомненно, очень интересно, но давайте оставим подробности на потом, – прервал поток красноречия Кочетова Молчалин, – Давайте переходить к другим предметам.

– Что ж извольте! – с легкой обидой ответил доктор, – Самым распространенным предметом является питательная паста на основе органических соединений углерода, в принципе, ей могут питаться и представители нашего вида, очень калорийно, довольно полезно и отвратно на вкус!

– Вы что ее пробовали? – всерьез удивился Иван.

– Конечно! – с видом оскорбленной невинности ответил Кочетов, – Как настоящий ученый, я был просто обязан провести эксперимент!

– А если бы в этой пасте содержалась какая-нибудь отравка? – поинтересовался Молчалин.

– Значит такова судьба! – гордо ответил главврач, – Наука, знаете ли, требует жертв!

– Ну да, – согласился Иван, – Наука она такая, дама серьезная, ей без жертв никуда. Арсений Петрович, потрудитесь впредь, не проводить подобные опыты без моего личного согласия.

– Но я... – начал Кочетов.

– В противном случае, – прервал его Молчалин, добавив в голос начальственные нотки, – Буду вынужден отстранить вас от этой работы. А по возвращении на Землю и вовсе списать с корабля за несоблюдение элементарных норм безопасности. Надеюсь вам все понятно, Арсений Петрович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.